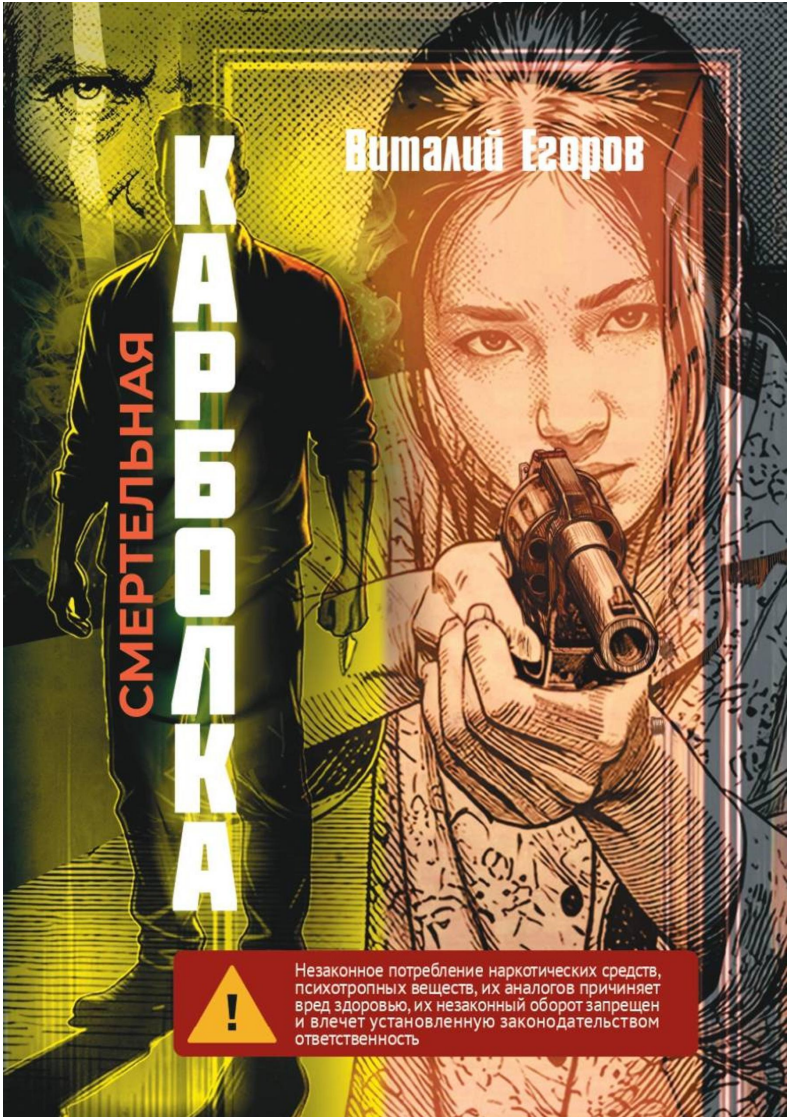
Виталий Егоров
СМЕРТЕЛЬНАЯ
КАРБОЛКА
!
Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность

Виталий Егоров
Смертельная карболка

https://litres.ru/74869984
SelfPub; 2026

Аннотация

1990-е. Разруха, беспредел и первая волна передела собственности – время, когда царит беззаконие, и убийства перестали быть редкостью.

Город захлестывает волна убийств. Жертвы — люди, связанные с продовольственной базой, которую готовятся приватизировать. Первое преступление потрясает даже видавших виды сыщиков: зарезана женщина, задушен ее шестилетний сын. Следом гибнет бухгалтер.

Расследование поручают молодой сотруднице уголовного розыска. Почерк убийцы – точный, профессиональный, без следов. В квартиры он проникает, вскрывая замки отмычкой, и исчезает, не оставляя улик. Единственная зацепка – едва уловимый запах карболки, который неизменно присутствует на каждом месте преступления.

Расследование выводит на след киллера-профессионала, чье прошлое уходит корнями в криминальные круги Ростова-на-Дону. Когда правда начинает проступать сквозь ложь, выясняется, что убийца уже идет по следу самой сотрудницы.

Теперь вопрос не в том, найдут ли его. Вопрос в том, кто выстрелит первым.

Виталий Егоров
Смертельная карболка

Смертельная карболка

«Наступила эпоха вселенского беззакония, где каждый представитель криминала, будь то законченный бандит или преступник, относящийся к „белым воротничкам“, не утруждая себя моральными принципами, решал возникшие проблемы путем умерщвления своего оппонента».

Из воспоминаний старого сыщика о девяностых годах.

1

Шла утренняя планерка у начальника уголовного розыска городской милиции.

Руководитель – мужчина сорока пяти лет по фамилии Леонов – хмуро обвел взглядом собравшихся оперативников (а их в кабинете собралось человек пятнадцать) и поинтересовался:

– Где у нас Драгин?

С места встал молодой мужчина в очках по фамилии Кривоносов, старший оперативник аналитической группы, и доложил:

– Драга… Драгин ночью работал. Его группа раскрыла

убийство коммерсанта на Студенческом рынке и…

– Знаю, что раскрыли! – резко прервал его начальник. – Они к полуночи закончили со всеми делами, отправили задержанного в изолятор, а сами всю ночь пили в кабинете! Так мне доложил дежурный!

Тут в разговор включился Бутов, мужчина в годах, заместитель Леонова, недавно назначенный на данную должность:

– То-то я прохожу мимо их кабинета, а оттуда несет таким духаном, что захотелось сразу закусить! Вы тут прекратите мне устраивать пьянки на рабочем месте!

– Победителей не судят, – заступился за группу «тяжей» (подразделение по борьбе с убийствами) Кривоносов, только присев и вновь встав на ноги. – Ребята раскрыли абсолютный «глухарь», и им положено немного расслабиться.

– Но не в кабинете же, – нахмурил брови Леонов. – Приди домой, выпей рюмку-другую и ложись спать, но чтобы утром на планерке быть как штык! Кого сейчас направим на убийство – ни одного «тяжа» нет на месте?!

– Что за убийство, Сергей Владимирович? – поинтересовался Кривоносов, уже в третий раз вскочив на ноги. – По сводке всё чисто…

– Ты давай – сиди или стой, тут тебе не тренажерная, чтобы ноги качать, – едко заметил начальник и сообщил: – Только перед планеркой доложил дежурный: в своей квартире обнаружен труп женщины.

– Криминальный? – спросил оперативник.

– А то как же? – ухмыльнулся Леонов. – Когда я отправлял «тяжей» на некриминальные трупы? Очевидно, ножевые раны в области грудной клетки.

– Пусть выезжает дежурный опер, – распорядился Бутов. – Кто у нас сегодня на дежурстве?

– Как раз Драгин и есть, – досадливо махнул рукой Леонов и глазами стал искать кандидата, кого можно отправить на происшествие, и в это время подняла руку девушка со светлыми волосами – оперативница отделения по борьбе с кражами по фамилии Наумова:

– Можно мне выехать? Я могу и отдежурить за Драгина.

– Кстати, почему женщины у нас не дежурят? – строго спросил Бутов, обращаясь к сидящим перед ним сотрудникам, среди которых находились три оперативницы. – На моей прежней службе я всегда включал их в график дежурств.

– Мы не отказываемся, – несколько уязвленно отреагировала Наумова. – Включайте нас, пожалуйста, в график – будем дежурить, как все остальные.

– Всё, Наумова, иди в дежурную часть, там тебя ожидает группа для выезда, – приказал ей Леонов. – По приезде доложишь, что и как.

Планерка продолжилась, а оперативница встала и направилась к выходу, услышав за собой голос Бутова:

– А с Драгиным надо разобраться. Вижу, что некоторые оперативники совсем распоясались – раскрытие преступле-

ния не повод для пьянства и прогула!

«Разбираться с бедным сыщиком все горазды, – сердито подумала она, захлопнув дверь. – Поговорили бы с человеком, узнали бы, чем он живет, создали бы условия для работы… У „тяжей“ машина простаивает уже полмесяца – вот этот вопрос бы решить Бутову, а не учинять разнос Драге, который со своими ребятами ночь не спали, но раскрыли безнадежный „висяк“ (неочевидное преступление)!»

Старшему лейтенанту милиции Алёне Наумовой было двадцать шесть лет. Девушка рано вышла замуж, и в девятнадцать лет, будучи студенткой, родила мальчика, которого назвали в честь дедушки – Кириллом. После академического отпуска она продолжила учебу в институте, чтобы в возрасте двадцати двух лет выйти оттуда дипломированным специалистом в области юриспруденции. Вопроса о том, куда идти работать, перед ней не стояло: она, как и родной дядя, еще в юности мечтала стать милиционером. Поэтому не без помощи своего родственника она устроилась работать в городском уголовном розыске, куда девушек брали с большой неохотой. «Они часто уходят в декретный отпуск, – аргументировал свой отказ принимать на работу представительниц слабого пола начальник угрозыска. – Да и не отправишь их на задержание опасного преступника». Но тем не менее после долгих переговоров ее взяли на службу.

В уголовном розыске работали свыше двадцати сотрудников, среди них – две женщины, а Алёна стала третьей. Де-

вушку определили в отделение по борьбе с кражами, где трудились семь мужчин разного возраста, самому старшему из которых исполнилось сорок два года. Новоиспеченная сыщица хватала всё на лету, быстро научилась у своих старших товарищей премудростям оперативной работы и через два года слыла уже довольно опытным сотрудником уголовного розыска, на счету которого было несколько десятков раскрытых преступлений имущественного характера, как то: квартирных краж, грабежей – в основном меховых шапок, воровства на доверии, ловли карманников...

К этому времени у нее в семье наметился разлад. Муж, гражданский служащий, не выдержав частого отсутствия своей жены дома даже в выходные дни, поставил ультиматум: либо работа, либо семья. В конце концов он ушел от семьи, а их общий ребенок практически воспитывался у матери Алёны. Девушка, стиснув зубы, продолжала службу, полностью отдавшись работе. Она, наученная своим дядей – старым работником уголовного розыска, прекрасно знала, как вести себя в мужском коллективе: не жеманилась, не строила глазки, на корню пресекала попытки ухаживания и проявления знаков внимания со стороны противоположного пола. В итоге все стали относиться к ней как сослуживцу, коллеге по оружию, напрочь забыв, что перед ними довольно интересная девушка с легкоранимой душой. Бывало, даже обращались к ней почти по-мужски – Алён и Лён. Дело дошло до того, что однажды один сотрудник в кругу коллег, где бы-

ла и оперативница, стал рассказывать о ночи, проведенной со случайной незнакомкой, смачно описывая некоторые подробности интима, пока не получил тычок в спину от старшего; смущенно поджав губы, любвеобильный опер плавно перешел на другую тему.

Одевалась оперативница соответствующе: джинсы или брюки, неброская кофта, свитер… Что бы она ни надела, на ее точёной фигуре всё смотрелось к месту. Не подводила глаза, не красила губы. Однажды на новогоднем празднике девушка пришла в вечернем платье с полным макияжем, и все оперативники оторопело переглянулись: «Как же не заметили рядом такую красоту?!» В этот вечер она позволила коллегам приглашать себя на танец. На следующий день девушка пришла на работу, и на ее лице не было и следа от вчерашнего макияжа. Опера, исподволь поглядывая на нее, пытались сравнить вчерашнюю королеву бала с сегодняшней сотрудницей уголовного розыска и недоуменно качали головами.

Кроме сыщиков своего отделения, в уголовном розыске она больше всего общалась с группой «тяжей» во главе с Драгиным и тремя его подчиненными. Видя, как оперативники группы по борьбе с преступлениями против личности работают на износ, фактически проживая в своем кабинете, она прониклась к ним уважением и всячески пыталась их поддерживать. Были дни, когда она приносила из дома мамину выпечку и кормила сыщиков-«убойников» (те же «тя-

жи») досыта. Поэтому, когда на сегодняшней планерке руководство высказало недовольство «тяжами», Алёна решила защитить их и напросилась на выезд в составе следственно-оперативной группы к месту совершения убийства женщины.

Алёна спустилась на первый этаж и заглянула в дежурную часть, где собрались члены следственно-оперативной группы: следователь прокуратуры Владимир Першин, судебный медик Николай Кондрашов, эксперт-криминалист Василий Попов. Увидев оперативницу, дежурный офицер облегченно воскликнул:

– О, Наумова уже здесь! Теперь все в сборе – выходите и садитесь в наш уазик!

Першин, мужчина тридцати лет, изучающим взглядом окинув девушку, поинтересовался у дежурного:

– Это кто у нас такая? Новенькая?

– Старенькая, – усмехнулась в ответ оперативница. – С имущественного отделения я.

– То-то мы с вами не встречались, – проговорил следователь и поинтересовался: – А где же Драгин и его ребята?

– Они ночью работали, – ответила она. – Начальник приказал выехать мне.

– Отлично! – с воодушевлением произнес следователь и скомандовал: – Товарищи, выходим на улицу – машина нас ждет!

Подойдя к милицейскому УАЗику, Першин открыл переднюю пассажирскую дверь и пригласил Алёну сесть. Девушка категорично помотала головой и, бросив вскользь: «Тут есть постарше меня люди», – рывком открыла заднюю дверцу и юркнула в салон автомобиля. Следователь, кивнув судебному медику – самому старшему по возрасту: «Николай Иванович, располагайтесь спереди», – залез вслед за оперативницей и сел рядом. Когда все разместились в салоне, водитель тронулся с места.

Был конец марта. Ярко светило утреннее солнце, было тепло, пахло весной. По пути следования Першин поинтересовался у Алёны:

– Сколько уже работаем в милиции?

– Уже четвертый год, – ответила она, глядя в окошко.

– Как это: четыре года – и ни разу не встречались? – удивленно покачал головой следователь и сам же ответил себе: – Ах да, вы же работаете по имущественным преступлениям…

– Да к тому же до сегодняшнего дня нас, женщин, не включали в график дежурств, и я еще ни разу не была на убийствах, – дополнила его оперативница.

– А что сегодня изменилось-то? – улыбнулся Першин. – Чем знаменателен этот день?

– Пришел новый заместитель начальника угрозыска, и он распорядился ставить нас на дежурство, – объяснила она. – В принципе, я рада этому, а то неудобно перед парнями, что мы в привилегированном положении.

– Быть женщиной – уже привилегия, – засмеялся следователь. – Значит, впредь будем иногда встречаться на местах происшествий.

– С девушкой надо встречаться не на местах происшествий, а в другом месте и в другой обстановке, – хохотнул судебный медик, поглаживая седую бороду.

– Учтем ваше замечание, Николай Иванович! – бодро воскликнул Першин. – Какие наши годы!

Оперативница, осуждающе качнув головой, уставилась в окошко автомобиля.

2

Вскоре машина остановилась возле пятиэтажного каменного дома, и водитель объявил:

– Вот здесь убили бабу. Квартира сорок седьмая, третий подъезд, второй этаж. Там находится участковый – охраняет место происшествия.

Все вышли из машины и направились к указанному адресу. На лестничной площадке второго этажа их встретил участковый уполномоченный милиции Куклин, полный мужчина средних лет, который, тяжело и свистяще дыша, доложил Першину:

– Владимир Альбертович, убита хозяйка квартиры Лемешева Евгения Геннадьевна, тридцати двух лет. Труп обнаружила мать убитой. Также пропал шестилетний сын потер-

певшей.

– Пропал сын?! – удивленно воскликнул следователь. – Похитили? Убежал из дома?

– Пока не ясно, – пожал плечами милиционер.

– А где мать убитой?

– Ей стало плохо – я вызвал скорую, ее только что увезли.

– Правильно, она будет нам только мешать, – согласно кивнул Першин и предложил: – Что ж, идем в помещение.

Следуя в квартиру, судебный медик поинтересовался у участкового:

– Что так плохо дышим-то? Заболел?

– А, астма, – махнул рукой милиционер. – Привык.

– Надо лечиться, – наставительно произнес эксперт. – Так и загнешься когда-нибудь.

– На то воля Божья, – вздохнул Куклин. – Мучаюсь уже лет десять.

Войдя в прихожую, все заметили, что из спальни виднеются голые ноги трупа, лежащего на полу. Кругом были разбросанные вещи – очевидно, преступник или преступники что-то искали. Внутренне вздрогнув, Алёна уставилась на Першина, мол: «Каковы наши действия?» Следователь, заглянув в спальню, направился на кухню, на ходу бросив экспертам:

– Давайте приступайте…

Оперативница последовала за Першиным. Разложив на столе бланки, вынутые из папки, следователь глянул на оперативницу и, улыбнувшись краешком губ, распорядился:

– Приступайте к поквартирному обходу. Но, прежде чем сделать это, поприсутствуйте в начале осмотра трупа, чтобы иметь хоть какое-то представление, что здесь случилось.

Алёна молча кивнула и вышла из кухни. Понятые, две женщины пожилого возраста, которых пригласил участковый Куклин, уже находились в прихожей, и Першин, выйдя к ним с чистым бланком протокола осмотра, объявил:

– Уважаемые женщины, вы приглашены в качестве понятых для осмотра места происшествия – квартиры вашей соседки Лемешевой, где обнаружен труп хозяйки.

– Ой, ее убили?! – воскликнула одна из женщин. – А где же ее сын?

– Пока не знаем, – ответил следователь. – Будем разбираться, куда делся ребенок.

Женщина лежала в проеме двери, и Алёне пришлось перешагнуть через нее, чтобы зайти в спальню, где уже находились криминалист и судебный медик.

«Черт, перешагнула через покойницу! – с тревогой подумала она. – Если узнает мама, то не миновать хорошей взбучки!»

Мама Алёны верила в потусторонние силы и по этой причине часто обращалась к знахаркам. Когда зять ушел от дочери, она заказала у известной колдуньи приворот, чтобы вернуть мужчину в семью, но безуспешно. Узнав об этом, дочь долго дулась на нее, поскольку ей не нравилось увлечение матери оккультизмом.

«Но тем не менее надо очиститься, – подумала она. – Так и быть, отдамся мамочке, чтобы поэкспериментировала надо мной – лишним не будет. Только из-за сыночка, лишь бы ему было хорошо, лишь бы на него не повлияла моя работа».

Любила ли она когда-то своего мужа? Этот вопрос для нее повис в воздухе. Сначала была влюбленность, девушка сильно увлеклась своей половиной, но после рождения ребенка эти чувства постепенно сменились разочарованием, а когда она стала работать в уголовном розыске, то поняла, что они с супругом совершенно разные люди, не готовые идти по жизни, крепко взявшись за руки. В этом она обвиняла не столько мужа, сколько себя, так как считала себя плохой хозяйкой, поставившей во главу угла службу в милиции, но это понимание не могло поколебать ее верность выбранной профессии. Поэтому, когда она узнала, что муж встречается со своей сослуживицей, то не предприняла никаких шагов, чтобы удержать его дома…

Хозяйка была одета в домашний халат желтого цвета, в районе груди которого виднелось подсохшее пятно бурого цвета. Глаза женщины были полуоткрыты, она как будто наблюдала за находившимися в спальне людьми, и оперативница поежилась от неприятного чувства. Она сделала шаг назад и спиной задела шифоньер, от чего его дверца открылась и оттуда вывалился ребенок в одних трусиках. Он был мертв – об этом свидетельствовала синюшность тела и окоченение

конечностей. Алёна резко вскрикнула и закрыла лицо руками. Видавший виды Кондрашов закряхтел от неожиданности – такого в его практике еще не было, чтобы второй труп свалился ему буквально на голову, когда он только начал заниматься первым. Понятые и участковый, стоящие в коридоре, услышав крик девушки, заглянули в спальню и вздрогнули от жуткой картины. Отодвинув их в сторону, Першин зашел в спальню и приобнял оперативницу, которая продолжала стоять с закрытым лицом – ее трясло.

– Алёна, успокойся, – сказал он мягким голосом. – Иди на кухню и попей воды, а мы тут продолжим.

Она обессиленно опустила руки и прижалась головой к груди Першина. Получилось это непроизвольно, в порыве минутной слабости, и оперативница, словно очнувшись, отпрянула от мужчины.

Следователь проводил девушку до кухни и, подав ей стакан воды, обратился к обескураженному Куклину, который зашел следом:

– Скорая осмотрела труп хозяйки?

– Да, констатировала смерть, и она же увезла маму потерпевшей, – кивнул участковый. – Про мальчика мы и не догадывались, что он находится там. До приезда группы я решил ничего не трогать.

– Вы всё сделали правильно, – приободрил его следователь. – Повторно вызовите скорую, чтобы она констатировала смерть и ребенка. Тут находится судебный медик, но же-

лательно, чтобы это сделала скорая. На всякий случай – ведь ребенок же…

– Моему сыну столько же, – всхлипнула оперативница, вытирая проступившие слезы. – Семь лет ему исполнится…

Першин, успокаивая, погладил ее по руке и сказал:

– Алёна, держись – ничего уже не поделаешь. Надо работу довести до конца.

Заглянул Кондрашов и сообщил:

– Мальчик мертв – скорее всего, удушение. Давность смерти не менее шести часов.

Следователь посмотрел на часы и проговорил:

– Значит, в два – в три часа ночи…

– Да, примерно в это время, – согласно кивнул эксперт и спросил: – Володя, начнем осмотр?

– Участковый пошел вызывать скорую, – ответил тот. – Подождем чуточку.

– Хорошо, – согласился судебный медик. – Я пока покурю на лестничной площадке.

Попов потянулся было за ним, но следователь остановил его:

– Василий, а ты ищи следы. Спальню пока не трогай – начинай с зала.

Затем он обратился к понятым, которые, стоя в коридоре, взирали на всю эту суету с нескрываемым ужасом в глазах:

– Дорогие женщины, проходите в зал с нашим работником. Потом подтвердите все его действия подписью в прото-

коле.

Вскоре прибыла скорая помощь, которая удостоверила смерть ребенка и покинула квартиру, после чего Першин, вызвав экспертов с понятыми, начал осмотр трупов. Алёна, неуверенно потоптавшись на кухне, последовала за всеми. На этот раз она не стала заходить в спальню, а все действия группы наблюдала из коридора.

Осматривая труп, судебный медик диктовал следователю, и тот записывал его наблюдения в протокол:

«… на передней поверхности грудной клетки слева, в проекции четвертого межреберья по окологрудинной линии, на расстоянии ста тридцати сантиметров от подошвенной поверхности стоп, имеется рана размером в два с половиной сантиметра…»

Эксперт представил перед собой стоящего человека и ребром ладони показал расположение раны:

«… форма раны: удар нанесен орудием с односторонней заточкой лезвия, ориентированным длинником на два и восемь часов условного циферблата. Края раны ровные, неосадненные: верхний – П-образный, нижний – острый. Вокруг раны – обильное пропитывание тканей одежды трупа кровью темно-красного, или даже бурого, цвета…»

Он двумя пальцами раздвинул рану и продиктовал:

«… при разведении краев раны видны пересеченные подкожно-жировая клетчатка и мышцы, в глубине определяется повреждение реберного хряща, откуда выделяется незна-

чительное количество жидкой крови темно-красного цвета. Каких-либо инородных предметов в ране не обнаружено…»

«Теперь понятен способ убийства жертв: мать ударили ножом, а сына задушили, – с щемящей грустью подумала оперативница, направляясь к входной двери. – Известно и примерное время совершения преступления – пора начать поквартирный обход подъезда».

Хотя Алёна ранее ни разу не выезжала на убийства, она прекрасно знала, как проводить поквартирный обход. Работая по многочисленным квартирным кражам, грабежам и разбойным нападениям, она провела бесконечное множество подобных разыскных мероприятий с целью обнаружения возможных свидетелей и очевидцев и постепенно поднаторела в этом деле. Люди, увидев перед собой молодую девушку приятной наружности, охотно вступали с ней в разговор, делясь той информацией, которую утаили бы от мужчин-оперативников.

Но всё-таки разница в проводимых мероприятиях была: если раньше она пыталась дознаться у жильцов, кто обворовал или ограбил их соседей, то сейчас предстояло узнать, кто же их убил.

Девушка решила начать с ближних соседей на втором этаже и постучалась в сорок восьмую квартиру, являющуюся смежной с квартирой убитой Лемешевой. Дверь открыл старик, который удивленно спросил:

– Доча, что тебе нужно?

– Дедушка, я из милиции, – улыбнулась она. – Хотела поговорить о вашей соседке.

– Так мою старуху забрали для следствия, – развел руками хозяин. – Уж она-то больше меня знает о соседке.

– Оказывается, это ваша жена выступает у нас в качестве понятой, – понятливо кивнула Алёна. – Супруга ваша пока занята, поэтому я бы хотела задать вам пару вопросов.

– Пожалуйста, проходи, – пригласил ее старик. – Только будет ли толк от моего рассказа – соседку я знаю плохо.

– А я ее не знаю вообще, – призналась оперативница. – Хоть что-нибудь расскажите про нее.

Пригласив ее в зал и усадив на диван, хозяин поинтересовался:

– Кто ее убил?

– Их, – поправила она его. – Сыночка тоже убили.

– Ай-ай! – схватился старик за голову. – Этого мальчугана?!

– Да, и его, – грустно промолвила она. – Как вас зовут, как мне к вам обращаться?

– Сидор Тимофеевич, фамилия наша Ягодкины, – ответил он с посуровевшим лицом и выругался: – Какой же ирод поднял руку на безвинного ребенка?! Руки бы ему пообрубать!

– Сидор Тимофеевич, расскажите всё, что знаете о соседке, – предложила оперативница. – Повторяю: мы про нее пока ничего не знаем, нам нужна любая информация.

– Доча, а тебя как зовут? – спросил хозяин, волнительно поглаживая седые волосы. – И кем ты работаешь в милиции?

– Зовут меня Алёна. Я оперуполномоченная уголовного розыска.

– Значит, из уголовного розыска, – проговорил он, прищурившись, вспоминая о чем-то. – Был у меня друг оттуда – старый милиционер…

– Как фамилия? – спросила она. – Может быть, я его знаю?

– Доча, ты его не знаешь, он работал в шестидесятых годах, – помотал старик головой и спросил: – Мне начать рассказывать?

– Да, Сидор Тимофеевич, я слушаю.

– Я больше знаю ее маму, – начал Ягодкин. – Она раньше сама жила в этой квартире. Фамилия ее Лемешева, зовут Клавдия Сергеевна. У нее Женя – единственная дочь, и внук, получается, у нее единственный. Она не была замужем, рассказывала, что ребенка родила от моряка, когда работала в Находке на консервном заводе. Когда она переехала сюда, доченька была совсем маленькой. Вот так и жили. Девочка подросла, и лет семь назад она вышла замуж, родила мальчика…

Голос его вздрогнул, и он, сходив на кухню и, видимо, попив воды, вернулся обратно и продолжил:

– Через несколько лет муж ушел от нее, и она стала растить сына одна…

«Господи, как похожи наши судьбы – такой же разлад в

семье, такая же участь безотцовщины для сыновей! – промелькнуло у Алёны в голове. – Кто же вас убил, бедные мать и сын?! За что взяться, как найти убийцу?! Я даже не знаю, что мне делать, с чего начать – это выше моих сил! Надо, чтобы „тяжи“ быстрее подключились к делу! Лёня, где же ты запропастился – давай просыпайся и беги сюда!»

Она бросила взгляд на настенные часы – стрелки приближались к десяти часам.

– Сидор Тимофеевич, давайте немного прервемся, – предложила она. – Мне надо позвонить своему коллеге – разрешите воспользоваться вашим аппаратом?

Алёна знала домашний номер телефона Драгина, не раз поднимала опера с постели, когда начальство теряло его и грозилось самыми суровыми последствиями вплоть до увольнения со службы. Но стоило ему появиться на работе, как всё ему прощалось с очередным «последним китайским предупреждением», поскольку второго такого опера найти было сложно. Он раскрывал почти всё; благодаря его группе управление милиции уверенно занимало одно из ведущих мест по раскрываемости преступлений против личности в регионе. Жил сыщик в двухкомнатной квартире вместе с тётей – живой и деятельной старушкой семидесяти лет, которая выполняла для него роль связной. Она принимала вызов и, сообразуясь с обстановкой, решала, передавать ли трубку племяннику или же сказать, что его нет дома, хотя тот, после очередного ночного бдения, тихо посапывал на диване.

Хозяйка знала девушку по голосу, доверяла ей и всегда выкладывала как на духу: «Он вчера ночью пришел выпимши и спит»; «До утра сидел тут с коллегами – говорят, что поймали убивца»; «Заторчал в пивбаре – теперь дрыхнет без задних ног»… Звали сыщика Леонидом, ему было почти тридцать лет. В своем кругу никто его, кроме Алёны, по имени не называл, а обращались коротко – Драга. И не только среди своих – криминальные элементы за глаза почтительно называли его так же, поскольку он в отношении них был суров, но справедлив, и это ценилось среди лихого народа. Был женат. Но кто выдержит такого мужа? Жена с четырехлетней дочкой переехала к матери, подав заявление в загс о расторжении брака, и ждала полугодового испытательного срока, чтобы окончательно порвать со своим мужем…

3

Драгин проснулся от толчка в плечо. Открыв глаза, он увидел склонившуюся над ним тётю, которая шепотом сообщила:

– Звонит Алёна. Что сказать?

Посмотрев на часы, которые показывали пол-одиннадцатого, он достал пейджер и увидел на экране три девятки – это означало, что его с утра ищет начальник угрозыска. Чертыхнувшись, он вскочил на ноги и, пройдя в прихожую, поднял трубку телефона и, придав голосу нарочитую беззаботность

и бодрость, громко вскрикнул:

– Алён, я внимательно слушаю тебя! Меня заискались?!

– Да, Лёня, тебя ищет Сергей Владимирович. Надо было с утра выехать на труп, вернее, на трупы, а никого из ваших не оказалось на месте, поэтому я вызвалась в следственно-оперативную группу.

– Трупы?! – удивленно воскликнул сыщик. – Сколько же их там, и кто они такие?!

– Двое – мать с сыном.

– Мать с сыном?! – поразился Драгин. – Ты звонишь с места преступления?

– Да, я начинаю поквартирный обход.

– Назови адрес, я сейчас подскочу.

– Вот это здорово! – облегчённо вздохнула оперативница. – А то я тут немного растерялась.

– Давай, Алён, держись и не теряйся! – приободрил ее Драгин. – Минут через двадцать жди меня!

– Жду!

Сполоснув лицо и перехватив бутерброд с сыром, Драгин поспешно вышел из дома и направился к указанному адресу. Идти надо было минут пятнадцать, и, когда он пришел к месту, встретил Алёну на лестничной площадке второго этажа.

– Лёня, привет! – обрадованно воскликнула она. – Быстро ты, однако, – я только обошла второй этаж.

Поздоровавшись с ней за руку, он спросил:

– Сильно меня искали? Что говорит Леонов?

– Да Леонов еще ничего – это Бутов на тебя сильно взъелся: говорит, что ночь пьянствовали в кабинете, требует наказать.

– Да пошел этот Бутов! – выругался сыщик. – Ему пора на пенсию, а его направили к нам отсидеться, чтобы с хорошего оклада уйти на заслуженный отдых. А заслужил ли он этот отдых? Лично я не слышал, чтобы он раскрывал что-то серьезное. Вот мы ночью раскрыли убийство «коммерса» (коммерсанта) – самый настоящий «глухарь». Бутов таких раскрытий и во сне не видывал…

– Ладно, успокойся, всё будет нормально, – одобряюще улыбнулась оперативница и рассказала: – Убили мать с сыном. Ей тридцать два года, а ему – шесть лет. Женщину ударили один раз ножом в область грудной клетки, а мальчика задушили. Преступление совершено приблизительно в три часа ночи. Сначала думали, что убита только хозяйка, а когда начали осмотр, из шифоньера выпал труп ребенка. Я сама чуть не померла со страху – до сих пор дрожь в теле. Труп дочери обнаружила мать, которая живет отдельно: пришла – дверь не заперта. Зашла в квартиру и, увидев дочь, вызвала скорую с милицией. Потом женщине стало плохо, и ее увезли в больницу. Со слов соседей, у потерпевшей есть муж, который сейчас находится в туберкулезной больнице. Это у нее второй муж, живут они вместе около двух лет, так что ребенок явно не от этого брака. Где она работала, и работала ли она вообще, пока не выяснили, поскольку с соседями она

не общалась, никто толком не знает про ее частную жизнь. Ее мужа зовут Скуратов Сергей, он еще не знает, что с близкими случилась такая беда. Обошла три квартиры на втором этаже, но получена информация общего характера – никто ничего не слышал и не видел сегодня ночью.

– Да-а, дельце! – протянул опер. – Плохо, что ребенка убили… Ладно, Алён, пойду, погляжу на трупы, а потом продолжим поквартирный обход.

Оперативники зашли в квартиру Лемешевых и заглянули в спальню. Першин, увидев сыщика, хохотнул:

– О, явился – не запылился! Нехорошо возлагать свои обязанности на бедную девушку, тем более, когда налицо двойное убийство!

– Ночью работали, раскрутили убийство барыги, – ответил сыщик, внимательно разглядывая трупы. – Убийство, как и полагали, – по наводке.

– Гнатова?! – удивленно спросил следователь. – Молодцы! А то его жена замордовала прокурора – каждая планерка начинается с этой «мокрухи».

– Терпила оказался не подарком – кинул на бабки многих, – сказал оперативник и поинтересовался, указав на тела хозяев: – Володя, имеются какие-нибудь наметки? За что их замочили?

– Пока ничего неизвестно, – пожал плечами Першин. – Быстрее входи в курс дела и начинай работать. Думаю, что к вечеру раскроете – есть такое ощущение, что преступление

не такое уж и сложное. Надо отработать все связи потерпевшей, и всё станет на свои места.

– Будем работать, – задумчиво кивнул Драгин. – Что нам еще остается делать? Вещи в квартире разбросаны – как будто что-то искали… Интересно, как проникли в квартиру?

– Замок цел, – ответил следователь. – Но я его всё равно изыму – вдруг подбор ключа.

– Или же хозяйка сама открыла дверь, – дополнил его сыщик. – В таком случае – кому?

Тут в разговор следователя и сыщика вмешался судебный медик, который нетерпеливо спросил:

– Володька, может, продолжим? Мне в двенадцать кровь из носу надо быть в конторе.

– Всё, всё, Николай Иванович, диктуйте, – ответил Першин и кивнул Драгину и Алёне:

– Идите и работайте. Вечером приду к вам и обсудим, что нам делать дальше, если, конечно, к этому времени не задержите убийцу. И да, найдите маму и мужа потерпевшей, допросите от моего имени и дактилоскопируйте, чтобы исключить их отпечатки среди найденных в квартире следов пальцев рук. И не забудьте изъять у них ключи от квартиры – всё равно им придется ставить новый замок.

Оперативники до обеда обошли девять квартир подъезда, но им не удалось выявить ни одного стоящего свидетеля происшествия. Соседка этажом ниже пожаловалась:

– Шумят по выходным, не дают выспаться. Молодые – наверное, гуляют. Но нынче ночью я ничего не слышала. Хотя постойте… Я проснулась от какого-то грохота, но мне показалось, что приснилось. Сходила на кухню, попила воды и легла спать. Больше шума не было.

– Так всё-таки это был сон или наяву? – спросила ее Алёна и, бросив взгляд на стену, где висела большая фотография хозяйки с мужчиной, поинтересовалась: – А что говорит муж?

– Мужа давно уже нет – он умер, – грустно проговорила она. – А насчет шума: я не могу ни утверждать, ни отрицать, слышала ли всё это. Могло и привидеться – мне часто снятся кошмары.

– А время помните? – спросил Драгин, заметив на кухне настенные часы. – Во сколько вы встали?

– Где-то ближе к трем ночи, – ответила хозяйка, взявшись пальцами за виски, чтобы напрячь память. – Обычно, когда мне снятся кошмары, я встаю в три часа ночи. И в этот раз так же и было – где-то без десяти три. Попила воды, сходила в туалет и вернулась в постель, но долго не могла уснуть.

– И всё это время вы не слышали повторных звуков? – спросила оперативница.

– Нет, была полная тишина, – помотала головой женщина. – Это я могу утверждать точно.

Попрощавшись с хозяйкой, оперативники вышли на лестничную площадку, и Алёна предложила:

– Лёня, пойдем в четвертый подъезд и поговорим с соседкой через стену со спальней убитой. Вдруг она что-то услышала.

– Идем, поговорим, – живо откликнулся Драгин и распорядился: – После этого нам надо разбежаться: ты пойдешь разговаривать с мамой потерпевшей, а я – с ее мужем. После этого займись своими делами, а вечером посовещаемся вместе с Першиным.

Следуя к четвертому подъезду, Алёна поинтересовалась:

– А кто такой Першин?

– Следователь прокуратуры, – ответил сыщик.

– Это я знаю, – сказала она. – Кто он вообще по жизни?

– Хороший, надежный парень, мой друг, – сказал сыщик и, хитро поглядывая, поинтересовался: – Почему интересуешься?

– Просто так, – покраснела Алёна. – Вместе же работаем.

– Между прочим, он холостой, – заговорщически подмигнул сыщик. – Разведенный, как и я.

– Ну и что, что он холостой? – с задетым самолюбием произнесла она. – Меня это не интересует.

– Ну и ладно, что не интересует, – проговорил сыщик и повторил: – Надежный товарищ, с ним не страшно идти в разведку.

Девушка промолчала, и Драгин, шутливо пригрозив пальцем, поинтересовался:

– Что ты про него всё время спрашиваешь? Давай позна-

комлю вас.

– Даже не думай об этом! – резко бросила она. – Очень он мне нужен!

Сыщик, скрывая улыбку, открыл перед девушкой дверь четвертого подъезда. Они поднялись на второй этаж и постучались в нужную квартиру, поскольку кнопка звонка была вывернута, и из стены опасно торчали оголенные провода. Никто не отзывался, и Драгин кулаком побарабанил в дверное полотно. Вскоре выглянула соседка из противоположной квартиры и сердито поинтересовалась:

– Молодые люди, что вам нужно? Хозяйки нет дома – она на работе.

– Мы из милиции, – представилась Алёна. – Как нам ее найти?

– Она продавщица, работает в магазине «Тайга», – ответила женщина. – Знаете, где он находится?

– Знаем, тут же рядом, – сказала оперативница и поинтересовалась: – Как ее зовут?

– Вы даже не знаете, как ее зовут, а так ломитесь в квартиру, – осуждающе покачала головой соседка. – Ее зовут Захарова Галина.

– Спасибо! – поблагодарила женщину Алёна и кивнула Драгину: – Идем в магазин.

Тут, немного замешкавшись, она спросила соседку:

– У вас имеется телефон?

– Имеется.

– Можно им воспользоваться? – попросила оперативница.

– Пожалуйста, – ответила женщина и, испытующе глядя на оперативников, поинтересовалась: – Что всё-таки случилось? Почему интересуетесь Галиной?

– В соседнем подъезде убили двух человек, – ответил Драгин. – У вашей соседки смежная стена с квартирой, где произошло убийство, поэтому хотим поговорить с ней – может быть, она что-то и слышала.

– Двух человек! – испуганно воскликнула хозяйка, пропуская оперативников в квартиру. – Кто это сделал?!

– Пока не знаем, потому и ходим, – развел руками сыщик. – Надежда на то, что ваша соседка что-то слышала.

– Ой, через стену вряд ли, – засомневалась женщина и указала на телефонный аппарат в прихожей: – Вот он – звоните.

Алёна набрала номер начальника угрозыска и доложила о проделанной работе. Драгин, стоя рядом, напряженно слушал, что говорит оперативница. В какой-то момент руководитель, очевидно, спросил о нем, и она ответила:

– Драгин с утра находится здесь. Мы с ним провели поквартирный обход, после чего он поехал разговаривать с мужем потерпевшей, а я сейчас собираюсь к ее матери в больницу.

Начальник что-то ей сказал, и девушка, улыбнувшись, положила трубку.

Хозяйка, слушавшая разговор, схватилась за голову:

– И ребенка убили! Что же это творится-то!

Попрощавшись и оставив женщину в расстроенных чувствах, оперативники вышли из квартиры, и Драгин нетерпеливо поинтересовался:

– Что про меня говорит шеф? Грозится увольнением?

– Как раз наоборот! – засмеялась она. – Начальнику управления позвонили из мэрии и поблагодарили за раскрытие убийства коммерсанта, и тот, вызвав Леонова, приказал тебя и твоих ребят поощрить денежной премией!

– Ух ты – вот это поворот! – воскликнул сыщик и от переизбытка чувств обнял оперативницу за плечи. – Сегодня вечером это дело спрыснем!

– Но только не в кабинете, – предупредительно помахала пальцем Алёна. – Если увидит Бутов – точно получим по первое число.

– Ладно, подумаем об этом, – сказал сыщик и скомандовал: – В «Тайгу»!

Небольшой продуктовый коммерческий магазин «Тайга» находился в пяти минутах ходьбы от дома возможной свидетельницы, и оперативники направились туда. Проходя мимо подъезда Лемешевой, Алёна заметила:

– Следственная группа закончила работу и уехала. Интересно, какие-нибудь следы нашли?

– Следственная уехала, а оперативная группа осталась работать, – улыбнулся Драгин и пустился в рассуждение: – Вот почему говорят «следственно-оперативная группа»? Раньше

всегда говорили: «Оперативно-следственная группа», а года три назад всё перевернули с ног на голову. Кто раскрывает преступление? Правильно – сыщик, и его роль должна быть на первом месте даже в названии группы. А следователь только фиксирует то, что мы раздобыли, и направляет дело в суд.

– Но следователь отвечает за судьбу уголовного дела, поэтому всё логично, что он главный в группе, – возразила оперативница. – Поэтому и изменили название.

– Ладно, не защищай Першина, – засмеялся Драгин. – Я его не воспринимаю как следователя, он для меня – сыщик. Где ты еще видела подобного следователя, который с нами днями и ночами? Нет больше таких следователей!

– Я его не защищаю, – нахмурилась девушка. – И не знаю, как он крутится с вами – я ведь с ним не работала и не раскрывала убийства.

– Еще не вечер, – улыбнулся сыщик и, осененный мыслью, предложил: – А давай, Алён, переходи в нашу группу. У меня давно уже имеется задумка расшириться и создать отделение «тяжей», поскольку убийств стало слишком много – разрываемся, ничего не успеваем. Я бы за тебя походатайствовал перед руководством…

– А что, идея неплохая, – задумчиво проговорила оперативница. – Я всегда завидовала, когда вы раскрываете убийства, а кражи мне порядком надоели.

– Заметано, – подал ей руку Драгин. – На днях напишу

рапорт.

Продавщица в магазине оказалась в единственном числе, и Драгин, предъявив ей удостоверение, предложил:

– Вас некому подменить, поэтому пока повесьте на двери объявление о том, что у вас учет, чтобы нас не отвлекали покупатели. Это много времени не займет – от силы минут двадцать.

Когда Захарова выполнила просьбу сыщика и закрыла дверь изнутри на щеколду, сыщик кивнул Алёне:

– Давай разговаривай.

Девушка, собравшись с мыслями, задала вопрос:

– Как ваше отчество?

– Виссарионовна.

– Галина Виссарионовна, мы пришли к вам поговорить по поводу убийства женщины с ребенком из третьего подъезда.

– Ой, а кого это убили?! – испуганно расширила глаза женщина. – И при чем тут я?

– У вас с убитой смежная стена. Что за помещение соседствует у вас с третьим подъездом?

– Моя спальня.

– И у нее спальня.

– Убили соседку за стенкой?! – панически поинтересовалась она и проговорила потухшим голосом: – А ведь я слышала ее крик...

Оперативники удивленно переглянулись, и Алёна предло-

жила:

– Галина Виссарионовна, расскажите всё по порядку. Начните с того, с кем вы живете в своей квартире.

Немного подумав, женщина стала рассказывать:

– Живу с супругом и с двумя детьми-школьниками, которые учатся в четвертом и шестом классе. Наша с мужем спальня граничит с квартирой в третьем подъезде. Не знаю, кто там живет, но они часто курили, и дым проникал к нам через розетку – оказывается, гнезда розеток у нас соединены, и оттуда даже тянуло легким сквозняком. Если приложить ухо к розетке, то можно было прекрасно слышать, что творится у соседей. Таким образом соседи могли прослушивать и нас, поэтому я велела мужу замуровать розетку. Он ее заштукатурил, а сверху мы заклеили обоями. Но слышимость всё равно осталась – не так сильно, как прежде, но можно различить кое-какие звуки… Ну, вы меня поняли – это чисто супружеские отношения…

– Поняли, поняли, – улыбнулся Драгин. – Продолжайте.

– Это, конечно, меня немного нервировало, когда ночью слышишь их охи и ахи, поэтому мы с мужем решили летом звукоизолировать стену, но, оказывается, уже поздно… Убили ее… Как жалко женщину-то… Ну, да ладно, перехожу к главному: вчера я была в квартире одна с детьми – муж уехал в командировку. Вечером уложила детей спать, а сама легла в постель где-то в одиннадцать часов. Спала плохо – урывками. Ближе к трем часам проснулась окончательно – у ме-

ня такое бывает, особенно когда мужа нет дома. Беспокойства какие-то внутри терзают – никак не могу избавиться от этого. Сходила на кухню, попила чай и вернулась в спальню. Вдруг слышу через стену резкий вскрик то ли женщины, то ли ребенка. Через несколько секунд крик повторился, а потом всё стихло. Мне стало страшно, и я, приложив ухо к стене, пыталась услышать, что же творится у соседей. Но никаких звуков больше не было слышно. Помучившись, уснула под утро. Встала в семь тридцать, отправила детей в школу, а сама пришла в магазин. Вот и всё, мне больше нечего добавить.

– Значит, это было в три часа ночи? – спросила Алёна. – Не ошибаетесь?

– Нет, не ошибаюсь, – категорично помотала головой женщина, – было три часа ночи.

Алёна посмотрела на часы, которые показывали час дня, и обратилась к Драгину:

– Лёня, ты езжай разговаривать с мужем Лемешевой, а я быстро допрошу гражданку, после чего поеду к матери убитой.

– Хорошо, Алён, – кивнул сыщик. – Вечером посовещаемся с Першиным, а потом отметим наши награды.

– А давай отметим у меня, – предложила она. – Всё равно дома никого нет.

– Отлично, у тебя и посидим! – обрадовался Драгин. – Кстати, пригласим туда и Першина!

Возле двери сыщик остановился и почесал свой затылок:

– У меня с собой нет приспособления для дактилоскопирования. Как быть?

– А возьми пока мою, – с готовностью ответила она, доставая из сумочки коробочку с миниатюрным самодельным валиком, который изготовил для нее знакомый часовщик, а также тюбиком краски и раскаточным стеклом. – Я отсюда заскочу к тебе в туббольницу, а оттуда пойду к матери убитой. И карту (дактилоскопическую) с собой возьми.

Порывшись в папке, она нашла карту и протянула Драгину:

– Вот она, возьми. Минут через сорок я буду у тебя – надеюсь, что к этому времени ты еще будешь разговаривать с мужем потерпевшей.

4

Быстро допросив важную свидетельницу, Алёна поспешила в туббольницу. Когда она зашла в палату к Скуратову, Драгин, закончив беседу, приступил к дактилоскопированию.

– Ты уже здесь! – обрадованно воскликнул сыщик, раскатывая валиком краску на стекле. – Мне осталось только откатать пальчики у гражданина.

Оперативница внимательно разглядела мужчину: худощавого телосложения, жилистый, лет под тридцать. На щеках

играли желваки, временами он поскрипывал зубами, вид у него был обескураженный.

«Конечно, расстроишься, когда убили всю семью, – подумала она, жалея мужчину. – Но держится хорошо – видать, нервы у него стальные».

Драгин нанес на подушечки пальцев Скуратова краску, а затем, манипулируя рукой мужчины, поочередно перенес отпечатки на дактилоскопическую карту. Получилось довольно сносно, и сыщик, удовлетворенно хмыкнув, передал приспособление для снятия рисунков пальцев рук Алёне:

– Теперь твоя очередь откатать маму потерпевшей.

Мужчина с растопыренными пальцами, измазанными краской, топтался на месте, и сыщик приказал:

– Иди в туалет и помой руки. А потом можешь отпроситься у врача и поехать домой – надо же готовиться к похоронам.

Когда Скуратов вышел из палаты, Драгин рассказал:

– Оказывается, он ей не муж, а сожитель. Является «афганцем» (воевал в Афганистане), комиссован по ранению. Жил в Подольске. Два года назад приехал в наши края, устроился разнорабочим на продуктовую базу, где заместителем заведующей работала эта Лемешева. Познакомились и стали жить вместе. Недавно во время диспансеризации у Скуратова обнаружили туберкулез и положили в больницу. Ночью он был в палате, это подтверждает дежурная медсестра. Никого в убийстве не подозревает, предполагает, что род-

ные попали под горячую руку во время ночного ограбления.

Алёна оглядела палату и спросила:

– Тут я вижу три койки. Кто еще лежит здесь?

– Два дня назад двоих его соседей выгнали за пьянку. В палате он пока один.

– А у него были ключи от квартиры?

– Да, один экземпляр у него. Дверь закрывается на два замка, но, когда хозяева дома, они закрывали только на один.

– Значит, Скуратов никого не подозревает?

– Нет, Лён, никого не подозревает.

– Ладно, Лёня, я пошла разговаривать с ее матерью. Как и договаривались, после вечернего совещания соберемся у меня.

– Удачи тебе. Может быть, мама потерпевшей тебе подскажет, на кого обратить внимание.

– Будем надеяться. До вечера.

Девушка хотела выйти из палаты, но навстречу ей дверь открыл Скуратов с полотенцем в руках. Тут, вспомнив о чем-то, Алёна повернулась и, подойдя к столу, на клочке бумаги написала записку, объяснив Драгину:

– Ты же у меня ни разу не был – вот мой домашний адрес. Приходите, не стесняйтесь, я живу одна.

Посмотрев на записку, сыщик со словами: «А-а, этот дом я знаю», скомкал бумагу и ловко бросил ее в урну, стоящую в нескольких метрах от него.

Лемешева находилась в восьмиместной палате под капельницей. Ее опухшие глаза подсказывали, что она всё время плакала. Оперативница села на табуретку у ее изголовья и представилась:

– Клавдия Сергеевна, я из уголовного розыска, меня зовут Алёна. Я со своими коллегами веду расследование убийства вашей дочери и внука...

– Ванечку тоже убили?! – резко вскрикнула она и, как показалось оперативнице, потеряла сознание, поскольку с закрытыми глазами не реагировала на вопросы.

Алёна, поругав себя: «Глупая дура, надо было сначала ее подготовить, потом только сообщить о смерти внука!», хотела было бежать за медсестрой, но в это время больная пришла в себя и еле слышным голосом просипела:

– Сердце чувствовало, что с внучонком случилась беда. Где его нашли?

– Он был в шифоньере.

– А я не догадалась туда заглянуть… Нашли, кто их убил?

– Пока нет. Поэтому я пришла сюда, чтобы поговорить с вами.

– О чем?

– Чтобы найти убийцу, нам надо знать всё про вашу дочь. Расскажите, пожалуйста, о ней.

– А что конкретно вас интересует?

– Я же говорю – всё. Любая мелочь может помочь нам. Начинайте рассказывать со времени ее первого замужества.

Женщина вытерла платком глаза и стала рассказывать:

– Она вышла замуж в восемьдесят втором году. Мужа звали Аркадий Никишин. Сначала мы жили втроем в этой квартире, где убили Женю. У них долго не было детей, и дочь совсем было отчаялась, но на четвертом году их совместного проживания она наконец забеременела и родила сыночка…

Женщина осеклась и заунывно протянула:

– Ва-анечка мой, как же я без тебя-то?!

Алёна погладила ее по руке и попросила:

– Продолжайте рассказывать. Со своей стороны обещаю, что преступник будет найден и сурово наказан.

Вытерев слезы, та, всхлипывая, стала говорить:

– Когда родился Ванечка, Женечка и Аркадий вместо того, чтобы жить в дружбе и растить сыночка, стали часто ссориться**.** Я подумала, что всё это из-за меня, поскольку сами же видели, что квартира небольшая, двухкомнатная, и им тесно. К этому времени женщины с работы познакомили меня с одним вдовцом, который сделал предложение жить вместе в большей степени для помощи в ведении домашнего хозяйства, нежели как супруга, и я переехала к нему в частный дом. Но это не остановило Аркадия – три года назад он ушел от семьи. Теперь у него другая семья, говорят, что новая жена родила дочку. Я как могла разрывалась между своим мужем, который сильно заболел, и дочерью, оставшейся одной с ребенком на руках. А полтора года назад Женя познакомилась со Скуратовым, и я облегченно вздохнула – хоть ка-

кая-то помощь ей, да и ребенку он заменит отца…

Вновь расплакавшись, она сквозь слезы вопрошала:

– Кто же их убил? У вас есть кто-нибудь на примете? Вы когда-нибудь сможете его найти?

– Пока у нас нет даже подозреваемого, – ответила оперативница. – Обещаю: приложим все усилия, чтобы найти его.

– Ой, откуда вы сейчас найдете этого убивца? – не поверила ей женщина. – Вот нашу соседку убили – до сих пор никого не нашли...

– Найдем, найдем, – заверила ее Алёна и поинтересовалась: – Каковы были отношения дочери с сожителем?

– Неплохие. По крайней мере, она никогда не жаловалась на него… Вы что, на него думаете?

– Нет, не думаем. Но нам надо исключить из круга подозреваемых всё окружение вашей дочери – только в этом случае мы сосредоточимся на других и сможем поймать настоящего убийцу.

– На Сергея вы даже не думайте – он нормальный мужик, тем более находится в больнице, – вздохнула Лемешева. – Жаль, что заболел туберкулезом – если бы он был дома, то защитил бы родных…

Женщина стала плакать, и оперативница решила закончить разговор. Она указала на почти полный флакон капельницы и сказала:

– Вам долго лежать, поэтому часа через два приду еще раз, чтобы допросить под протокол и откатать ваши пальцы.

– А это как? – вопросительно глянула она на оперативницу. – Что собираетесь делать с моими пальцами?

– Сниму отпечатки пальцев. Это для того, чтобы исключить ваши следы пальцев, обнаруженные в квартире у дочери.

– А, поняла, – кивнула она. – Но к вечеру я уйду отсюда – надо готовиться к похоронам.

– А что говорят врачи? Отпустят?

– Говорят, что у меня предынфарктное состояние. Но я всё равно уйду – как я брошу своих родненьких на произвол судьбы?

У Алёны защемило сердце от жалости, и она попросила:

– Вы дождитесь меня – ровно через два часа я буду здесь.

– Хорошо, буду ждать, – всхлипнула она.

Перед тем как выйти из палаты, оперативница спросила:

– Когда вы в последний раз видели дочку и внука живыми?

– Вчера днем.

– Что они делали?

– Ничего. Вчера же был выходной, и они отдыхали дома. Ванечке купила светильник-бра, чтобы глазки не болели от яркого света. Сегодня с утра Женечка должна была идти на работу, а я – сидеть с внуком, поскольку он приболел…

Она заплакала. Алёна с тяжелым сердцем вышла из палаты и направилась в столовую – она с утра ничего не ела.

Столовая находилась недалеко от ее работы, и туда часто

ходили обедать милиционеры. Время было три часа дня. Девушка рассчитывала, что в заведении общепита час пик прошел, нет столпотворения, и она, спокойно пообедав, зайдет в магазин и купит продукты для вечерних посиделок.

«Может прийти Першин – надо подготовиться соответствующим образом, а не превращать встречу в обычную посиделку с распитием горячительного, – думала она, вдыхая опьяняющий весенний воздух. – Что он за человек – этот Першин? Лёня говорит, что он был женат. Интересно, где сейчас его жена? А есть ли у них общий ребенок?.. Постой, подруга, что это ты про него всё время вспоминаешь? Какие ты имеешь на него виды? Влюбилась, что ли? Весна подействовала? Успокойся, он не твой… А всё-таки, придет ли он сегодня ко мне домой?»

Фамильярное обращение «подруга» к кому бы то ни было в ее лексиконе появилось несколько лет назад, и она никак не могла с ним расстаться. А дело было так: когда она работала по делам о кражах и обслуживала самый криминогенный район города – ГРЭС, у нее был наставник Гаврил Мордвинов, суровый на вид мужчина тридцати с лишним лет, которого за глаза обитатели трущоб называли Держимордой. При беседе с лицами женского пола он всегда обращался к ним следующим образом: «Эй, подруга, иди сюда!», «Ну-ка, подруга, чем ты сегодня занималась?», «Расколись, подруга, и сдай ворованные вещи, иначе – небо в клетку!» С кем поведешься, от того и наберешься, тем более если он твой на-

ставник. Вскоре Алёна стала использовать это слово повсеместно, но чаще всего применительно к себе, когда иронизировала над собой или же ругала себя.

Она вновь вспомнила убитого мальчика и параллели, которые проводила, сравнивая его со своим сыном, и от этой мысли к горлу подкатил ком, глаза увлажнились.

«Кирюшенька, сыночек мой, ты будешь счастливым, – думала она почти вслух. – Не переживай, что растешь без папы – я буду тебе опорой и надеждой, постараюсь заменить отца… Уйду я с этой работы, и будем мы всегда вместе. Ты важнее и главнее, чем всё остальное в этой жизни».

К своей радости, в столовой она встретила Драгина, который, расспросив о беседе оперативницы с Лемешевой, рассказал следующее:

– Захожу к начальнику «угла» (угрозыска) с докладом, а там вместе с ним находится этот – Бутов. Тот сразу же стал наседать, мол, организовал пьянку и тому подобное, но Леонов быстро его осадил и поздравил меня с раскрытием убийства Гнатова. Я ему доложил о сегодняшнем деле, и он распорядился по этому поводу провести совещание у него в кабинете в восемь часов вечера. Думаю, что к девяти освободимся и пойдем к тебе. Першина я уже предупредил.

– А он придет? – спросила она, с трудом скрывая волнение.

– Придет, куда денется! – уверенно ответил сыщик и по-

интересовался с хитринкой в глазах: – А ты хочешь, чтобы он пришел?

– Мне всё равно, – сказала она, чем только вызвала улыбку опера, от которого трудно было что-то утаить.

Отобедав, оперативники расстались, и Алёна, закупив продукты на вечер, оставила их дома, а сама направилась в больницу.

Лемешева ждала ее, сидя на табуретке и прислонившись к спинке кровати. Увидев девушку, она устало выдохнула:

– Меня не хотели отпускать – но я настояла. За мужем надо приглядеть, а с утра начну заниматься похоронами.

– Зять тоже будет заниматься, так что будет вам в помощь, – сообщила Алёна. – Его отпустят из больницы.

Женщина ничего не ответила, и оперативница предложила:

– Клавдия Сергеевна, я сейчас вас допрошу, а потом сниму отпечатки пальцев. После этого можете быть свободны.

Закончив со следственными действиями, Алёна попрощалась с Лемешевой, пообещав ей в скором времени встретиться вновь, и поехала домой.

Было семь часов вечера. Она разложила окорочка плотными рядами на противень, обложила сверху очищенной картошкой с луком, накрыла фольгой. Отправив блюдо в духовку, поставила таймер на два часа.

«Аккурат к нашему приходу будет готово, – подумала она. – Если даже припоздаем, то пусть томится на остаточном

тепле».

Таким образом она готовила не раз, поэтому была уверена: всё получится как надо – сытно и вкусно, и довольно роскошно для сыщицкого круга.

Далее она нарезала сыр и колбасу, приготовила овощной салат и, удовлетворенно отметив: «Закуска готова, спиртное за Лёней», поспешила на работу.

5

Драгина в кабинете не было, двое «тяжей» занимались бумажной работой.

– Ребята, где мой тезка? (за дружбу с «убойником» ее и сыщика некоторые острословы на пару окрестили прозвищем: Лён в квадрате или Лён и Лёня).

– Пошел встречаться с агентурой, – ответил один из оперов по фамилии Корчагин. – Скоро должен подойти – пойдем на совещание к начальнику «угла».

– Алён, после совещания собираемся у тебя? – спросил второй оперативник по фамилии Хрипунов. – Драга так сказал.

– Да, ребята, соберемся у меня, отметим ваши награды, – обрадовала их она. – Курочка с картошечкой уже в духовке.

– Ох и посидим же! – потер руки в предвкушении застолья Корчагин и разразился смехом: – А Шипун у нас пролетел, как фанера над Парижем – Драга отправил его дежурить, он

сейчас на выезде!

Шипунов Марк был самым молодым из всех оперов, и старший группы приказал ему нести дежурство вместо Алёны. Последняя была освобождена от этих обязанностей в связи с предстоящими посиделками у нее в квартире.

– Ничего, ничего, всё у него впереди, – хихикнул Хрипунов. – В свое время мы тоже отдувались за старших.

Оперативница пошла в свой кабинет и с нетерпением ожидала начала совещания. Ровно в восемь вечера в кабинете у Леонова собрались Алёна, Першин, Драгин, Корчагин и Хрипунов. Девушка облегченно вздохнула, заметив, что Бутов не будет присутствовать на совещании.

«А то начнет права качать – всем испортит настроение, – подумала она. – Быстрее бы ушел на пенсию».

Першин, увидев оперативницу, улыбнулся и коротко махнул рукой. Она в ответ также с улыбкой кивнула в его сторону.

Первым взял слово Леонов, который несколько патетически начал свою речь:

– Товарищи, случилось огромное несчастье – рука убийцы унесла жизни матери и ребенка. Это преступление надо раскрыть любой ценой – убийца не может свободно ходить по этой земле, он должен понести самое суровое наказание. В этой связи я собрал вас, чтобы выслушать каждого, узнать, что мы имеем на этот час, и какие планируются мероприятия с целью задержания этого потрошителя. Но, прежде чем

приступить к обсуждению, я попрошу Владимира Альбертовича, чтобы он проинформировал нас о первоначальных следственных действиях и указал, на что нам обратить внимание при работе с нашим контингентом.

Першин встал и стал докладывать:

– В семь часов тридцать восемь минут в дежурную часть милиции от гражданки Лемешевой Клавдии Сергеевны поступил звонок о том, что по адресу: улица Пролетарская, дом номер двадцать два, квартира сорок семь, обнаружен труп ее дочери – Лемешевой Евгении Геннадьевны, тридцати двух лет, а шестилетний внук исчез. Когда мы в составе следственно-оперативной группы прибыли на место происшествия, заявительницы уже не было – женщине стало плохо, и ее доставили в больницу. Местом преступления является двухкомнатная квартира в третьем подъезде пятиэтажного каменного дома. Когда приступили к осмотру трупа хозяйки, из шифоньера выпал труп ребенка. При поверхностном осмотре выявлено, что у женщины одно колото-резаное ранение в грудную клетку, а у ребенка – асфиксия. Его, скорее всего, задушили руками, на шее имеются характерные следы. Трупы доставлены в морг, вскрытия запланированы завтра с утра. Экспертом-криминалистом обнаружены двадцать шесть следов пальцев рук с различных поверхностей, нечеткие следы обуви. Вещи в квартире разбросаны, есть основание полагать, что преступник искал что-то ценное. Из оставленных рисунков пальцев будем отсеивать хозяев и тех,

кто часто бывает у них дома, например, мать потерпевшей, а для этого убитые и все их близкие и родственники будут дактилоскопированы. Мною изъяты два замка входной двери, по ним будет назначена трассологическая экспертиза на предмет того, каким образом преступник проник в квартиру. Подозреваемого по делу пока нет, будем дожидаться итогов экспертиз. У меня пока всё.

Алёна внимательно слушала доклад следователя прокуратуры. Глядя на него, она всё больше проникалась симпатией к этому высокому и сильному мужчине, который глубоким бархатным голосом и четким изложением своей мысли буДоражил ее сознание.

«Ты что, подруга, пришла сюда любоваться им? – ругала она себя. – Выбрось из головы всякую блажь – надо зациклиться на раскрытии убийства».

– Вы уверены, что преступник был один? – спросил начальник угрозыска. – На чём основываются ваши догадки?

– Мне показалось, что преступник был один, – ответил Першин, но тут же объяснил смысл сказанного: – Но это чисто мое внутреннее ощущение, так что не берите его за чистую монету – преступников могло быть и несколько.

– Спасибо, Владимир Альбертович, за информацию, – поблагодарил его Леонов и обратил свой взор на Драгина: – А теперь послушаем, что нам скажут сыщики.

Оперативник встал и рассказал:

– Мы с Наумовой обошли квартиры в подъезде, но зна-

чимых свидетелей нам найти не удалось. Соседка снизу в три часа ночи слышала грохот, но так и не поняла, приснилось это ей или же было наяву. Нашли соседку из четвертого подъезда, у которой смежная стена с квартирой Лемешевой. В три часа ночи она слышала за стеной крики то ли женщины, то ли ребенка. Из всего этого следует, что убийство, вероятно, совершено ближе к трем часам ночи. Мною допрошен сожитель потерпевшей, который в настоящее время проходит лечение в туберкулезном диспансере. С его слов, он в последний раз был дома четыре дня назад. Потрясен убийством родных, искренне переживает за случившееся, никого из своих знакомых не подозревает в преступлении. Пока у меня всё, надеюсь, что завтрашний день нам что-нибудь даст.

Как только сыщик, отчитавшись за проделанную работу, присел, Алёна встала с места и продолжила:

– Я допросила маму убитой – Лемешеву Клавдию Сергеевну. Она живет отдельно в частном доме с неким Чернышевым, но сегодня с утра должна была сидеть с внуком, поскольку тот заболел и не пошел в детсад. В полвосьмого утра женщина была у дочери – дверь не была заперта, и она, зайдя внутрь, обнаружила ее мертвой. Вызвала скорую и милицию, после чего ее саму увезли в больницу. В больнице она от меня узнала, что убили и внука. С ее слов, дочь с сожителем жили нормально, не ссорились, не скандалили. Потерпевшая работает заместителем заведующей продуктовой базы, а со-

житель, фамилия его Скуратов, работал там же разнорабочим, где они познакомились примерно два года назад. Пока вот так, мне больше добавить нечего.

– Да-а, негусто, – с сожалением протянул начальник угрозыска. – Если дело зависнет, то получим нагоняй и от прокурора, и от нашего руководства. Мне уже звонили из министерства, интересовались ходом расследования и потребовали раскрыть дело в кратчайшие сроки…

Леонов замолк, очевидно, перебирая в памяти различные версии, и обратился к Першину:

– Владимир Альбертович, вам не кажется странным, что ребенка запихнули в шифоньер? С какой целью? Чего проще оставить его на полу рядом с матерью, а не возиться с ним, пряча в укромное место…

Першин посмотрел в сторону Алёны и сказал:

– Сергей Владимирович, меня тоже смутил этот факт, когда на руки вашей сотрудницы из шкафа выпал ребенок. Для чего его туда поместили? Случайный преступник, как мне кажется, не стал бы заморачиваться сокрытием тела. Надо сыщикам отработать самым тщательным образом все связи потерпевших – возможно, что-то завязано на этом.

– А что могли искать в квартире посреди ночи? – спросил Леонов, недоуменно пожав плечами. – Если у преступника есть отмычка или дубликат ключей, то он мог бы обокрасть квартиру днем, когда никого нет дома. Зачем убивать-то хозяев, если что-то хочешь украсть?

– Абсолютно верно заметили, – согласно кивнул следователь. – Мне кажется, что шли именно убивать, а не ограбить. Тем более грабить-то особо нечего – у убитой больших денег и ценностей не водилось.

– Вопросов больше, чем ответов, – вздохнул руководитель и поднял Драгина: – Леонид, доложи, какие планируете мероприятия.

– Сергей Владимирович, сегодня ночью будем таскать наш подучетный контингент, проживающий в том районе, где произошло убийство, – бодро стал докладывать сыщик, хотя ни о какой ночной работе не могло быть и речи – впереди были посиделки у Алёны. – Завтра с утра поприсутствуем в морге при вскрытии трупов, после чего начнем отрабатывать связи потерпевших, заглянем на базу, где работали Лемешева и ее сожитель. Что еще? Само собой, будем встречаться с агентурой и нацелим ее на установление лиц, способных совершить такое жестокое преступление. И да, прямо сейчас, после совещания, пойдем в дом Лемешевой и до конца обойдем квартиры, где нам с утра никто не открыл двери – очевидно, были на работе. Завтра обойдем остальные пять подъездов – авось кто-то что-то видел. Товарищ полковник, в связи с этим у меня к вам одна просьба...

– Какая же? – наморщил лоб начальник угрозыска. – Нужна машина?

– И машину тоже, – кивнул сыщик. – Но я бы еще хотел, чтобы Наумова временно перешла в нашу группу и занима-

лась убийством Лемешевой. Она полностью в курсе дела, ничего ей объяснять не придется. Пользуясь случаем, напоминаю вам: надо форсировать создание отделения по раскрытию убийств. Нас, «тяжей», всего четверо, мы уже разрываемся, а убийства сыпятся со всех сторон. Завтра и в последующие два-три дня все силы бросим на раскрытие убийства Лемешевой и, если к этому времени не установим преступника, нам придется отойти от этого дела, поскольку зависают несколько серьезных дел, в том числе по организованной преступной группировке «Казана».

Организованная преступная группа уголовного авторитета Казанцева или, как прозвали его в криминальном мире и в милиции, – «Казана», уже досаждала уголовному розыску. Она подозревалась в ряде неочевидных преступлений, в том числе в исчезновении известного в городе предпринимателя и мецената Плохих, поисками которого как раз занималась группа «тяжей». Дело было поставлено на контроль в республиканской прокуратуре, и начальник городского управления милиции ежедневно отчитывался прокурору о проделанной работе. Основной костяк банды «Казана» состоял из пяти или шести активных и авторитетных членов, не считая «шестерок» и «торпед» и примазавшейся к ним молодежи.

Леонов вопросительно посмотрел на оперативницу:

– Ты-то сама согласна?

Девушка вскочила на ноги и звонко доложила:

– Да, товарищ подполковник! (Леонов был подполковни-

ком, но Драгин обращался к нему званием выше, что, впрочем, нравилось руководителю). Хочу довести дело до конца!

– Ладно, доведи, – удовлетворенно хмыкнул начальник угрозыска. – Считай, что с сегодняшнего дня откомандирована в группу Драгина на одну неделю. Если я добьюсь создания отделения, то ты первый кандидат туда. Так что приступай к работе в качестве «тяжа».

– Есть приступить к работе в качестве «тяжа»! – радостно отрапортовала оперативница. – Спасибо за доверие!

6

Выйдя от начальника угрозыска, в коридоре Першин толкнул в бок Драгина:

– Ну, ты мастер лепить горбатого (обманывать)! Я уж подумал, что сегодняшний вечер у Алёны отменяется. Посмотрел на твое лукавое лицо и понял, что всё остается в силе – вечер состоится!

– Быстро ты меня раскусил! – расхохотался сыщик. – А начальник «угла», волк еще тот, мой доклад принял за чистую монету! Что тут сказать? Хочешь жить – умей вертеться! Но мы не отлыниваем – завтра всё наверстаем. Правильно я говорю, Алён?

– Конечно, наверстаем, – беззаботно произнесла оперативница и поторопила коллег: – Ребята, не заходим в кабинет, а сразу идем ко мне – курочка с картошечкой ждут нас

с пылу с жару!

– А кто дома? – поинтересовался Драгин, спускаясь с крыльца управления. – Пришла мама?

– Нет, не мама – нас ждет духовой шкаф с таймером, – улыбнулась она. – Очень удобно – включил и забыл, и он за тебя всё делает. Это тебе не наша газовая духовка.

– Отлично! – вожделенно причмокнул Першин. – Мы идем или едем? Алёна, где ты живешь?

– Да тут, недалеко, минут десять ходьбы, – ответила она. – А машину у дежурного вряд ли выпросишь.

– Ничего, пройдемся, нагуляем аппетит, – успокоил девушку следователь и прикоснулся к ее руке: – Алёна, проводи нас до своего дома.

Она, смущенно убрав руку в карман куртки, поинтересовалась у Драгина:

– Что у нас из спиртного?

Стукнув себя по лбу, сыщик приказал Хрипунову:

– Черт, чуть не забыл! Сбегай в кабинет и принеси дипломат, который стоит под моим столом. Вот был бы номер, если бы я забыл свой бар-чемоданчик! Чаевничали бы и разошлись, как порядочные!

– Тоже неплохо, – засмеялся Першин. – Необязательно же любую встречу превращать в банальную пьянку.

– Всё, тебе не наливаем, – хихикнул сыщик. – Будешь довольствоваться чаем.

– А там хозяйка Алёна, – улыбнулся следователь, нежно

глянув на девушку. – Она и решит, что мне наливать.

Вскоре прибежал Хрипунов с дипломатом в руке, и все пешком направились в сторону дома оперативницы.

На улице было тихо, но довольно прохладно – лужицы сверху сковало тонким льдом. Когда Алёна поскользнулась и чуть не упала, Першин галантно протянул девушке руку, и она, схватившись за нее, уже не отпускала до самого дома. Зайдя в подъезд четырехэтажного каменного дома, все почувствовали запах запеченной курицы (оперативница жила на первом этаже в двухкомнатной квартире).

– О, всё готово! – радостно воскликнула она, открывая замок. – Сейчас быстро накрою стол и сразу сядем: время не терпит, завтра с утра на работу.

– Мы можем прямо отсюда пойти на работу, – хохотнул Драгин. – Нам не привыкать ночь торчать в засаде.

– Нет, ребята, завтра надо работать, – наставительно произнесла она, жестом приглашая гостей в дом. – Преступление надо раскрывать – ребенка ведь убили…

– Да ты, если переведешься к нам в отделение, то вконец загонишь всех! – захохотал Корчагин. – А как известно, загнанных лошадей пристреливают!

– Типун тебе на язык! – замахала рукой хозяйка. – Еще накаркаешь – не случилось бы, как с Торговкиным (речь шла об оперативнике, которого неделю назад ранили при задержании преступника).

– Всё, мужики, Алёна говорит дело, – подытожил разговор

сыщиков следователь. – Завтра с утра работать, поэтому не рассчитывайте сидеть тут до ночи.

Вечер получился на славу: с шутками, с воспоминаниями о курьезных моментах своей работы, с травлей приличных анекдотов в присутствии дамы.

За полчаса до полуночи Драгин, после произнесенного тоста, распорядился:

– На этом заканчиваем наш замечательный вечер. Лён, с утра будь в морге – поприсутствуй на вскрытии трупов. После этого загляни на работу к Лемешевой, поговори с людьми, постарайся собрать характеризующий материал на нее и на ее сожителя. А мы тем временем будем работать в доме потерпевших. После обеда встречаемся у нас в кабинете и определимся с дальнейшими нашими шагами.

– Ой, я в морге ни разу не была, – схватилась за щеки девушка. – К кому там обращаться?

– Я тоже буду присутствовать при вскрытии – найдешь меня там, – успокоил ее Першин и, немного подумав, добавил: – Лучше будь дома – по пути в морг я заеду за тобой.

– Вот и договорились, – произнес Драгин, хитро поглядывая то на оперативницу, то на следователя, и обратился к последнему: – Володя, ты проследи за Алёной, чтобы она не упала в обморок. Мало ли что – с непривычки бывает…

– Не беспокойся, прослежу, – ответил следователь и поблагодарил хозяйку: – Алёна, спасибо тебе за угощение – вкуснее блюда я еще не пробовал.

– Да ну, это же обычная еда на скорую руку, – смущенно улыбнулась она. – Так я готовлю, когда нет времени.

– Я представляю, что ты будешь готовить, если у тебя будет время, – засмеялся Драгин и, толкнув в бок Першина, с гордостью изрек: – Вот такие девушки у нас работают!

Когда «тяжи» вышли из квартиры, Першин, немного задержавшись в прихожей, взял Алёну за руку и сказал:

– В девять часов машина будет стоять возле подъезда. Не бойся, всё будет нормально, там ничего страшного нет.

Она с благодарностью посмотрела в глаза мужчине и смущенно ответила:

– Постараюсь. С тобой мне не будет страшно.

Прибравшись на кухне, Алёна легла в постель и долго лежала с открытыми глазами, думая о Першине:

«Знакомы не более суток, а такое ощущение, как будто вечность. Чем он запал мне в душу? Да – симпатичен, да – обаятелен, но этого недостаточно, что вот так сразу взять и влюбиться. А я что – влюбилась? Нет, нет, этого не может быть! Я не какая-нибудь там легковесная дурочка, влюбляющаяся в первого встречного, ведь он же мне совсем не знаком. Но он производит впечатление порядочного и даже доброго человека. Почему жена ушла от него? Произошло так же, как с Лёней и со мной? Жена не выдержала его бесконечного отсутствия дома и решила искать мужа-домоседа? Интересно, какая бы пара получилась из нас? Однозначно – ничего хорошего, оба пропадали бы на работе. Нет, так жить

нельзя, надо порвать с этой работой и взяться за воспитание сына, думать о создании семьи... Ладно, пусть всё идет своим чередом, посмотрим, что будет дальше».

Она закрыла глаза и провалилась в тревожное забытье. Ей снится сон: она попадает в какое-то темное и мрачное помещение. На полу валяются трупы, через которые ей приходится перешагивать. Вдруг перед ней возникает дверца шкафа. Она с замиранием сердца дергает ручку, и оттуда вываливается труп ребенка. Она присматривается и видит, что это ее сын…

Алёна проснулась с криком «Кирюшенька!» Время было три часа ночи. Она пошла в прихожую и стала судорожно набирать номер телефона мамы. Когда та подняла трубку и сонным голосом поинтересовалась: «Алло, кого вам надо?», она взволнованно выдохнула:

– Мама, как ваши дела? Как Кирюша?

– И ради этого вопроса ты поднимаешь меня посреди ночи? – недовольно поворчала женщина. – Хотя бы приходила к сыну, а то три дня он маму не видит.

– Мамочка, прости, – всхлипнула она. – Завтра обязательно приду… И вообще, буду часто приходить к тебе и сыну.

– Что с тобой? – обеспокоенно спросила мама. – У тебя что-то случилось? Ты откуда звонишь? До сих пор на работе?

– Всё у меня хорошо, мамочка, звоню из квартиры, – ответила дочь. – Просто вы приснились мне, я проснулась и звоню вам.

– А про что был сон? – испуганно спросила она. – Что-то плохое?

– Нет, мама, про всё хорошее. Вы с Кирюшей сидите посреди цветочной поляны, я от радости и проснулась, а дальше не могу уснуть.

– А какие были цветы? – настороженно спросила женщина. – Какого они были цвета? Не увядшие, не засохшие?

– Мама, не надо выпытывать подробности, я не приглядывалась к цветам, – сердито произнесла Алёна. – Сон был хороший – давай забудем про это.

– Ладно, завтра приходи – тогда и поговорим, – попрощалась мама с дочерью. – Спокойной ночи.

Она долго не могла уснуть, лишь прикорнув, когда стало светать. Утром, сполоснув лицо, девушка посмотрела на себя в зеркало и, недовольно поморщившись, еле заметным штрихом подвела глаза, подкрасила губы помадой нейтрального оттенка. Посмотрев на ногти, безнадежно махнула рукой и стала одеваться.

«Сама себя не узнаю, – ворчливо подумала она. – Когда я марафетилась в последний раз? Для кого всё это? Подруга, ты всерьез хочешь закрутить с Першиным? И что из этого выйдет? Да ничего! Выбрось из головы всякую блажь!»

7

Выйдя из подъезда, Алёна увидела прокурорский УАЗик и быстрым шагом направилась в его сторону. Навстречу ей

из машины вышел Першин и протянул руку, пригласив сесть в машину. Когда оперативница и следователь расположились на заднем сиденье, последний приказал шоферу, седому мужчине в годах:

– В морг!

Невольно усмехнувшись и качнув головой, мол: «Ездить с девушками в морг – плохая примета» – водитель тронулся с места.

В секционном зале морга два судмедэксперта уже приступили к исследованию трупов. Тела уже были вскрыты, начиная с макушки черепа и заканчивая лобковой костью, и, очевидно, всё это проделал угрюмый санитар – огромный детина в прорезиненном халате, который с чувством исполненного долга покуривал папиросу, сидя на табуретке в углу зала. За столом, где лежал мальчик, работала женщина среднего возраста в белом, местами в бурых пятнах, халате, а над Лемешевой склонился Кондрашов в синей медицинской робе. Запах разложения, въевшийся в стены морга, не перебивали даже хлор и формалин, щедро применяемые в данном заведении.

Алёна зажала нос, но, увидев мертвого ребенка, она забыла о запахе и резко схватилась за Першина. Следователь, положив свою руку на ее, одобрительно подмигнул и шепнул на ушко:

– Успокойся и слушай, что говорят судмеды. Это очень важно, опер должен знать, как убили человека.

Кондрашов, отвлекшись от дела, приподнял голову и, увидев следователя с оперативницей, озорно сверкнул глазами:

– Дальше – больше! Володенька, ты решил водить девушку по всем самым мрачным и неприглядным местам нашей работы?

– Я ее не вожу – она будет раскрывать это двойное убийство, – засмеялся Першин. – Но да – она в морге впервые, и такими преступлениями еще не занималась.

– Молодец, у нее получится, – одобрительно произнес эксперт и подозвал их к себе поближе: – Молодые люди, подойдите и посмотрите раневой канал.

Алёна стояла как прикованная, лицо ее было бледно, она дышала порывисто и взволнованно. Першин мягко приобнял ее за плечи и сказал:

– Подойдем, посмотрим. Нам надо определиться, каким орудием убили потерпевшую.

Глубоко вздохнув, она, ведомая следователем, вплотную подошла к секционному столу.

Из вскрытой грудины Лемешевой судмедэксперт вытащил нечто окровавленное размером с кулак и сказал:

– Посмотрите, насквозь пробит левый желудочек – удар в сердце, очень быстрая смерть.

«Ах, это сердце! – промелькнуло в голове у оперативницы. – Я представляла его другим, каким рисуют на картинках…»

Медик ткнул пальцем в белой латексной перчатке куда-то

в кровавое месиво, и он, проникнув внутрь, показался с другой стороны сердца.

– Сквозное ранение, – почти торжественно объявил он. – Удар под прямым углом.

– Под прямым, и так сильно? – переспросил его Першин. – Редко кто так бьет…

– Я тоже об этом подумал, – кивнул эксперт. – Похож на тычковый нож, но только не обоюдоострый.

– Так это орудие профессионального убийцы! – удивленно расширил глаза следователь. – Кому нужна простая женщина, чтобы ею занялась мафия?

– Я так не утверждаю, – помотал головой Кондрашов. – Может быть, и простой нож, поскольку меня смущают края раны: один прямоугольной формы, а другой – острый, а у тычкового ножа обычно оба края острые, и рана получается веретенообразной. Значит, не тычковый нож? Но чтобы так сильно и точно нанести единственный и смертельный удар обычным ножом – это надо постараться, и за спиной этого человека, надо полагать, неплохой опыт владения холодным оружием. И уж точно это не женщина и не подросток, или какой-нибудь забулдыга.

Першин повернулся к оперативнице и спросил:

– Ты поняла, кого надо искать? Серьезный, однако, преступник.

Девушка молча кивнула головой, пытаясь отвести взгляд от распластанного на секционном столе тела женщины, раз-

резанного и распиленного вдоль и поперек угрюмым санитаром.

– Николай Иванович, есть ли на теле другие повреждения? – спросил следователь.

– Нет, тело абсолютно чистое, ни единой царапины, под ногтями ничего интересного, – ответил эксперт и непонимающе развел руками, облаченными в окровавленные перчатки. – Это даже удивляет – она что, даже не сопротивлялась до того, как получила смертельное ранение?

– Да, интересно, – хмыкнул Першин и кивнул Алёне: – Подойдем к следующему столу.

Девушка вновь схватилась за руку мужчины и покорно последовала за ним к секционному столу, где над трупом мальчика корпела женщина-судмедэксперт.

Для новичка, особенно для женщины, имеющей детей, картина была жуткой: кожа головы ребенка вместе с волосами была натянута на лицо, черепная коробка пугающе зияла пустотой, а мозг, поделенный на тонкие пласты, покоился на секционном столе.

– Что вы нам можете подсказать, Эльвира Васильевна? – спросил следователь эксперта. – Асфиксия подтверждается?

– Угу, подтверждается, – кивнула судмедэксперт, продолжая работать. – Странгуляционная асфиксия при сдавлении шеи пальцами рук…

Она вытерла шею мальчика куском марли и сказала:

– Смотрите: душили его одной рукой, и это рука левая,

а правой, скорее всего, поддерживали за затылок. Хватка у преступника, надо сказать, очень сильная: наблюдаются переломы подъязычной кости, хрящей гортани и трахеи. Мальчик, видимо, пытался сопротивляться: в подногтевом содержимом выявлены текстильные волокна темного цвета.

– Ну, для того, чтобы задавить ребенка, не обязательно обладать недюжинной силой, – возразил Кондрашов, подключившись к разговору. – Обычный взрослый мужчина, но только левша.

– Левша? – переспросил Першин и высказал сомнение: – Правша мог ребенка задушить и левой рукой…

– Э-э, нет! – помахал пальцем эксперт. – Когда дело касается предстоящего убийства, человек подсознательно применяет ту руку, которая ловчее и сильнее. Так что тут без вариантов.

– Почему вы сказали, что это мужчина? – поинтересовался следователь.

– Ну, если ты так хочешь этого, то пусть будет женщина, – хохотнул эксперт. – Я же предположил, что это мужчина, хорошо владеющий холодным оружием. Володя, ты же прекрасно знаешь, какие бывают раны, когда совершают преступления женщина или подросток.

Першин, согласно кивнув, повернулся к оперативнице и объяснил:

– Если на теле множество неглубоких ран, то в первую очередь надо обратить внимание на женщин и подростков.

Однажды мы насчитали на трупе свыше пятидесяти ножевых ран. Оказалось, что убийство совершила сожительница.

– Во-во, так и было! – поднял палец вверх эксперт. – Мой рекорд – на трупе было семьдесят одно ножевое ранение.

Алёна стояла как во сне, плохо понимая, о чем говорят судмедэксперты. Ком подкатил к горлу, глаза увлажнились, она еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться, гнетущая тяжесть окутала всё ее тело.

«Ручки-то какие – как у моего Кирюши, – думала она, разглядывая лежащего перед ней мальчика и пытаясь совладать с собой. – Ножки такие же, и рост подходящий... Бедный ребенок, как же тебе не повезло в жизни!»

Вытерев рукавом халата испарину со лба, женщина-эксперт развела руки в окровавленных латексных перчатках в стороны и попросила Першина:

– Володя, угости сигаретой.

Следователь привычным движением (очевидно, он это проделывал не раз) вставил ей в рот сигарету и щелкнул зажигалкой. Глубоко и с удовольствием затянувшись, она осторожно ухватила сигарету лапчатым пинцетом и выпустила струю дыма.

«Думала, что так курят только в фильмах, – невольно подумала Алёна. – Оказывается, всё это из жизни».

– А я папиросу, – сглотнул слюну Кондрашов и приказал санитару: – Пахом, тащи сюда наш «Беломорканал»!

Санитар проворно вскочил на ноги и проделал с судмед-

экспертом то же, что и Першин. Кондрашов, поискав глазами на столе, выбрал медицинский зажим и воспользовался им для удержания папиросы, а санитар вновь взялся за курево.

Першин хотел присоединиться к компании курильщиков, но, глянув на девушку и почувствовав ее состояние, вернул пачку сигарет обратно в карман и сказал:

– Нам пора идти. Спасибо вам всем за подробную консультацию. Примерный портрет преступника нам известен, и я надеюсь, что мой коллега быстро его найдет.

Последние слова были произнесены с улыбкой, и Кондрашов, смеясь, заметил:

– А девушку хоть когда-нибудь пригласи в приличное место. Не вечно же ей ходить по моргам и местам преступлений!

– Учтем ваше замечание! – как и в тот раз, ответил следователь и взял девушку за руку: – Алёна, у тебя вопросы имеются к судмедэкспертам?

Она отрицательно помотала головой, и Першин повел ее к выходу.

На улице, жадно вдыхая свежий воздух, оперативница грустно проговорила:

– Наверное, я никогда не смогу привыкнуть к такой картине, так что через неделю вернусь обратно в свое отделение – раскрывать кражи гораздо спокойнее.

– А жаль, – с напускной печалью произнес следователь, но глаза его улыбались открыто и нежно. – Я думал, что будем

работать вместе…

– Я тоже хочу работать с тобой, – вдруг призналась девушка, сама испугавшись своего откровения. – Если ты рядом, мне как-то спокойней, за твоей спиной, как за каменной стеной.

Першин в знак благодарности приобнял ее за плечи, и она спросила:

– Как мне перебороть страх перед покойниками? Я хочу остаться работать у «тяжей», но мне как-то страшновато после сегодняшнего посещения морга.

– С третьего раза, – засмеялся следователь. – Вот когда в следующий раз придешь сюда, тебе всё равно будет страшно, но уже терпимо, а если придешь в третий раз, то будешь чувствовать себя если не как дома, то довольно уверенно. А потом пойдет по накатанной: будешь приходить ночью одна в морг и откатывать пальчики у покойника.

– Вот это – никогда! – зябко передернула плечами девушка. – Ночью меня сюда калачом не заманишь!

Расхохотавшись, Першин приказал:

– Машина нас ждет – поехали!

Следуя в сторону городской милиции, седой водитель поинтересовался:

– Доча, ну как тебе морг? Сильно испугалась?

– Ой, очень сильно! – ответила она и бросила признательный взгляд на следователя. – Володя заверил, что скоро привыкну.

– Привыкнешь, доча, привыкнешь, – засмеялся мужчина. – Человек ко всему привыкает.

– Постараюсь, – вздохнула она и, посмотрев на часы, которые показывали одиннадцать часов, попросила: – Лучше довезите меня до базы, где работала Лемешева.

– Может быть, мне пойти с тобой? – спросил следователь.

– Нет, не надо, я сама, – отказалась она. – Там только поговорить с людьми, а у тебя, я думаю, других дел полно.

Она из папки достала лист бумаги, написала номер телефона и протянула Першину:

– Володя, это домашний телефон, а на работе ты знаешь, как меня найти. Звони, если что-либо выяснится относительно последнего убийства.

Он, взяв у нее лист, оторвал от него клочок бумаги и, написав что-то, вернул обратно:

– Алёна, а это мой рабочий телефон. Ты тоже звони в любое время, если у тебя появится интересная информация.

8

Возле продуктовой базы Першин вышел с Алёной из машины и, взяв ее за руку, сказал:

– Когда будешь разговаривать с людьми, записывай их данные – когда-нибудь они могут нам понадобиться. А еще лучше – допроси на протоколе.

– Знаю об этом, – улыбнулась она. – Уж с живыми-то

людьми я умею разговаривать.

– Живых людей бояться надо, а не мертвых, – хохотнул он. – Все гадости и подлости от них, то есть от нас, от живых, а покойники самые мирные существа.

– Существа?! – переспросила она и несколько кокетливо надула губы, изобразив на лице испуг. – Ты меня совсем уж застращал!

Засмеявшись, он отпустил ее руку и помахал на прощание:

– Удачи тебе. Позвонишь и расскажешь, что тебе удалось узнать на этой базе.

Провожая взглядом удаляющийся прокурорский УАЗик, она укорила себя:

«Что-то слишком уж быстро позволила ему притрагиваться к себе. Всего-то чуть более суток знаем друг друга, а уже как старые любовнички… А ведь как приятно его прикосновение! Скажи, подруга, честно – приятно, когда он обнимает тебя? Еще как! Так можно и влюбиться окончательно... А что тут плохого? Мы оба взрослые, свободные люди и вольны делать то, что нам заблагорассудится… Интересно было бы узнать, как он относится к вопросу о создании семьи? Или всё это мимолетное, и таких, как я, у него предостаточно?»

Встрепенувшись и отбросив противоречивые мысли, она повернулась и направилась в сторону двухэтажного деревянного здания, где располагалась контора.

Вокруг базы всё было огорожено высоким деревянным за-

бором, за которым виднелись верхушки складских ангаров.

Когда она вошла в здание, ее встретил старик-вахтер, который поинтересовался:

– Вам к кому?

– Я из милиции, – ответила она. – Мне надо поговорить с заведующей.

Вахтер, изучив ее удостоверение, выписал пропуск и сообщил:

– На втором этаже налево. Увидите вывеску.

«Могла бы пройти и без пропуска, но уважим пожилого человека, который честно выполняет свою работу, – подумала она, принимая от старика разовый бланк. – Тут всё как на режимном объекте. Интересно, что они тут хранят, что даже выставили охранника? Ах да, это же своеобразный пропускной пункт от несунов – всё-таки продуктовая база, и соблазн что-то вынести оттуда велик…»

Поднявшись на второй этаж, оперативница повернула налево и, дойдя до конца коридора, остановилась перед дверью, где висела табличка:

«**Скороходова Розалия Петровна**
заведующая
Лемешева Евгения Геннадьевна
зам. заведующей»

Глубоко вздохнув, она открыла дверь и оказалась в приемной, из которой двери вели в два кабинета: один – заведующей, а другой – ее заместителя, о чем свидетельствова-

ли дублирующие таблички на дверях. Девушка, выполняющая роль секретаря для обеих своих начальниц, поинтересовалась:

– Вы к кому? По какому вопросу?

– Я из милиции, – ответила Алёна. – Хотела бы поговорить с Розалией Петровной относительно ее заместителя.

Бросив беспокойный взгляд на оперативницу (очевидно, девушка была уже в курсе дела об убийстве), секретарь быстро направилась в кабинет заведующей, на ходу бросив:

– У Розалии Петровны посетительница – я ее потороплю.

Через минуту девушка вернулась обратно и сообщила:

– Информировала Розалию Петровну о вас. Гражданка сейчас уйдет, и сразу можете зайти.

Вскоре от заведующей вышла дородная женщина в темном переливающемся костюме, очевидно, очень дорогом, которая, смерив оперативницу надменным взглядом, вышла из приемной.

«Как пить дать – торгашка, – подумала Алёна. – Директор какого-нибудь магазина».

Как только за посетительницей закрылась дверь, секретарь шепнула:

– Идите, она вас ждет.

В кабинете находилась женщина сорока пяти лет в строгом костюме серого цвета, которая, окинув Алёну изучающим взором, поинтересовалась:

– Вы насчет Евгении Геннадьевны?

– Да, насчет нее, – ответила оперативница. – Откуда вам известно о случившемся?

– Еще вчера позвонил ее муж и сообщил об этом ужасном событии, – ответила она. – Я сегодня с утра распорядилась выделить ему автомашину и деньги для похорон. Мы своих работников не бросаем на произвол судьбы – всё честь по чести.

– Насколько мне известно, Скуратов ей не муж, а сожитель, – поправила оперативница заведующую.

– Какая разница – муж или сожитель, – резко ответила Скороходова. – Жили же вместе, а их правовой статус меня не интересует.

«Какая-то сердитая тетка, наверное, у нее тут все ходят по струнке. Одним словом – королева базы!» – подумала Алёна и попросила:

– Розалия Петровна, расскажите, пожалуйста, о своем заместителе: как она тут работала, возникали ли какие-нибудь конфликты между работниками, как вы ее характеризуете в качестве заместителя. В общем, мне необходима любая информация про нее.

– А известно, кто их убил? – спросила женщина и возмущенно сверкнула глазами: – Сына-то зачем убили, кому он мог помешать?!

– Пока по делу подозреваемых нет, поэтому я и пришла сюда, – ответила Алёна. – Итак, я слушаю ваш рассказ.

Скороходова посидела в задумчивости, а затем, отпив из

стакана газированной воды, стала рассказывать:

– Женя пришла сюда работать по направлению обкома ВЛКСМ семь лет назад. В то время я была заместителем заведующего, а она стала работать товароведом по продовольственным товарам. Три года назад заведующий ушел на другую работу, и меня назначили вместо него, а Женя стала моим заместителем. Что сказать про нее? Хороший, ответственный работник, имеет организаторскую жилку, я ей полностью доверяла…

Глаза ее наполнились слезами, и она, вытирая их платком, всхлипнула:

– Даже не верится, что Женечки нет в живых. И мальчик такой хорошенький, приводила она его сюда, на работу…

Вновь пригубив газировки из стакана, она продолжила:

– Конфликты, конечно, были, но они были мелкие, незначительные, из-за них не убивают людей…

– Расскажите о них, нам всё интересно, – прервала ее Алёна. – Были случаи, когда из-за мелкой склоки убивали человека.

Рассказчица опять потянулась к стакану и, жадно отхлебнув газировку, продолжила:

– В прошлом году она лишила премии одну кладовщицу, и та приходила к ней в кабинет и устраивала скандал. Дело чуть не дошло до драки, и мне пришлось успокаивать их. Вопрос уладили полюбовно, я этой женщине выплатила премию из своего резервного фонда.

– И как ее фамилия? – спросила оперативница. – Той, которая скандалила.

– Троева Анастасия.

– Она сейчас работает?

– Да, работает. У нее на складе закуток.

– Я бы хотела с ней переговорить.

– Вызвать?

– Нет, не стоит. Я сама схожу туда.

– Это четвертый склад, вы найдете ее там.

– Спасибо. С кем еще Лемешева конфликтовала?

– С водителем фуры. Фамилия его Миронов, зовут Степаном.

– На какой почве?

– Он несколько раз прогулял, и Женя поставила вопрос о его увольнении. Потом она мне жаловалась, что он ей угрожает.

– В каком смысле?

– Я точно не знаю. Вроде бы говорил, чтобы она ходила и оглядывалась.

– А сейчас этот Миронов работает?

– Работает, куда денется. Предприятие попало под приватизацию, скоро всё равно всех распустят.

– Как мне его найти?

Заведующая нажала кнопку на коммутаторе и, когда отозвался женский голос, приказала:

– Найдите Миронова, и пусть он подойдет к четвертому

складу. Вскоре туда подойдет работник милиции.

– Спасибо. Что еще можете мне рассказать про нее?

– А рассказывать-то больше нечего, – пожала плечами Скороходова. – Ничего интересного, обычные будни.

– Как она познакомилась со Скуратовым? – спросила Алёна.

Заведующая встала и прошлась по кабинету. Достав из сумочки, висящей на напольной вешалке, сигарету, прикурила ее и, вернувшись за стол, стала рассказывать:

– Он приехал сюда откуда-то из Подмосковья. Служил в Афганистане, комиссован по ранению. Был без работы и постоянного места жительства. Когда пришел устраиваться к нам, то мы взяли его рабочим на склад – раскупорщиком. Поскольку ему было негде жить, пошли навстречу как воину-интернационалисту и заселили в этом здании в маленькой комнатенке рядом с вахтой. Прошло не более месяца, и однажды Женя мне говорит, что Скуратов оказывает ей знаки внимания. Короче, стал за ней ухаживать. Вскоре он перебрался к ней, и они стали жить вместе. Очень жаль, что так случилось – они в этом году хотели зарегистрироваться и устроить свадьбу. Очень жаль…

На глаза заведующей вновь навернулись слезы, и она, вытерев их платком, спросила:

– Вопросы еще имеются? Мне надо выехать по делам.

– Я бы хотела осмотреть кабинет вашего заместителя, – сказала оперативница. – Он открыт?

– Пожалуйста, осматривайте, ключи у секретаря, – кивнула Скороходова. – Она и будет вас сопровождать, а я поехала – меня уже ждут.

– Спасибо, Розалия Петровна, – поблагодарила ее Алёна. – Мы с вами еще встретимся.

– Обязательно встретимся, – хмуро проронила та. – Найдите этого выродка, который поднял руку на безвинное дитя.

В приемной Скороходова дала необходимые указания секретарю:

– Анфиса, выполни все поручения представителя милиции. Надо будет открыть кабинет Евгении Геннадьевны.

Оставшись вдвоем, оперативница обратилась к девушке:

– Анфиса, веди меня в кабинет Лемешевой.

Осмотрев рабочее место потерпевшей и не обнаружив ничего интересного, Алёна спросила секретаря:

– Где находится четвертый склад? Мне надо поговорить с Троевой.

Анфиса подозвала ее к окну и показала:

– Вон тот ангар, который слева. Я уже предупредила Миронова – он туда подойдет через полчаса.

Попрощавшись, Алёна вышла из конторы и направилась к указанному складу.

Ее встретила полная женщина сорока лет, которая сразу же спросила:

– Вы насчет Евгении Геннадьевны?

«Смотри, тут уже все знают о случившемся, – удивленно

подумала оперативница. – Людская молва бежит вперед меня!»

– Да, насчет нее, – ответила она. – Есть информация, что вы раньше вступали с ней в конфликт. Какие были ваши взаимоотношения в последнее время?

– Это всё рассказала Розалия Петровна? – укоризненно покачала головой женщина. – Неужели я могу пойти на убийство ребенка ради этой несчастной премии?!

– Как вы относились друг к другу после того случая? – спросила Алёна. – Конфликт был исчерпан?

– Конечно! Если даже встречались в коридоре, то улыбались друг другу! Нет, вы не оттуда начали расследование!

– Я вас не подозреваю. Просто мне надо знать всё о ней, чтобы успешно расследовать преступление. У вас есть какие-нибудь догадки или предположения? Например, Миронов? Говорят, что он ей угрожал.

– Это Миронов-то ей угрожал? – нервно засмеялась кладовщица. – Он мужик смирный, мухи не обидит!

– Вы замужем? – спросила ее оперативница, чем вызвала возмущение женщины:

– Всё-таки вы меня подозреваете! – зло воскликнула она. – Думаете, что я подговорила своего муженька, чтобы он отомстил за меня! Так вот – я не замужем, и любовников не имею!

– Успокойтесь, – твердо произнесла Алёна. – Я же сказала, что не подозреваю вас, а собираю характеризующий ма-

териал на убитую. Это нужно для следствия. Поняли меня?

– Поняла, – угрюмо произнесла женщина и посетовала: – Уйду я отсюда, пока не выгнали, как собаку. Ни денег, ни работы – как дальше жить?

– А что случилось? – спросила оперативница. – Почему выгонят-то?

– Базу приватизируют, и всем вручат расчет. Сто двадцать человек окажемся на улице без средств к существованию.

– На базе работают сто двадцать человек?

– Примерно так. Плюс-минус пять-шесть разнорабочих.

Разговор женщин прервал стук в дверь – это был Миронов. Увидев его, Троева язвительно выговорила:

– Степка, нас с тобой подозревают в убийстве. Так что суши сухари – Колыма по нам плачет!

– Это как?! – оторопело поинтересовался мужчина, бросив растерянный взгляд на оперативницу. – Вот эта барышня нас подозревает?

– Да она шутит, – улыбнулась ему Алёна. – Степан, я собираю характеристику на убитую женщину, и в связи с этим хотела уточнить, что за угроза была с вашей стороны в отношении нее?

– Кто это стуканул-то? – усмехнулся Миронов. – Настя, это ты?

– С какой стати! – вскипела Троева. – Это заведующая про нас всё рассказала.

– Ах, гадина такая! – выругался мужчина и стал расска-

зывать: – Я за месяц прогулял два раза, но по уважительной причине: в первый раз, когда заболела жена, и я устраивал ее в больницу. А второй раз пропал сынишка: весь день искал, а он, оказывается, находился у друзей. И вот Лемешева взъелась на меня и хотела уволить. Однажды я встретил ее на улице и после словесной перепалки сказал: «Бог не Ерошка, видит немножко». Она пошла к заведующей и пожаловалась, что я, мол, угрожал ей убийством. Ну, не дура ли эта баба?!

Анфиса расхохоталась, и Алёна решила закончить разговор. Перед тем как уйти, она спросила:

– Как тут работал Скуратов?

– Это хахаль Евгении Геннадьевны? – поморщилась кладовщица. – Был тут на раскупорке, но толком и не работал, а когда стал жить с ней, то и вовсе перестал приходить. А потом у него, вроде бы, нашли туберкулез.

– Ладно, на этом пока закончим наш разговор, – сказала оперативница. – Спасибо за информацию, в случае чего мы вас вызовем.

«Похоже, что эти двое не при делах, – думала она, направляясь в сторону конторы. – Полностью сбрасывать их со счетов не стоит, но надо думать дальше, как вычислить убийцу. Где его искать? Кто он такой – обычный грабитель или наемный убийца? За что взяться, за что ухватиться? Нет, это невозможно – ум за разум заходит!.. Как „тяжи“ вообще раскрывают такие неочевидные „мокрухи“? С кражами гораздо проще… В первый раз взялась за серьезное дело – и сразу

облом… Подруга, не паникуй, возьми себя в руки – у тебя всё получится! Получится, верь этому!»

Проходя мимо пропускного пункта, она остановилась и спросила старика-вахтера:

– Где тут раньше жил Скуратов?

– Серёга, что ли? – удивленно вскинул голову вахтер и указал на дверь в начале коридора. – Вот здесь он жил, а потом перебрался к начальнице. Теперь я обживаю эту каморку.

– Откройте, покажите комнату, – попросила она.

– А там смотреть-то нечего, – усмехнулся старик, открывая дверь своего жилища. – Помещение два на три, койка, тумбочка.

Бегло осмотрев комнату, Алёна вышла из конторы и направилась на автобусную остановку.

9

Время было два часа дня, и Алёна, пообедав в столовой, пришла на работу. Кабинет «тяжей» был заперт. Она открыла дверь своим ключом (ей выдали дубликат ключа) и с нетерпением стала ждать появления оперативников. После получасового ожидания, не выдержав, она отправила на пейджер Драгина условный сигнал, означающий, чтобы он связался с работой. Вскоре он позвонил и спросил:

– Закончила запланированное?

– Да, закончила. Сижу в кабинете и жду вас.

– Каковы результаты?

– Особо похвастаться нечем.

– Мы тоже закончили обход – голый вассер. Сейчас сидим и обедаем в столовой.

– Я только что была там. Чуть-чуть разминулись.

– Ладно, Лён, жди нас – мы скоро будем.

– Жду.

Вернувшись в кабинет и выслушав доклад оперативницы, Драгин задумчиво прищурил глаза:

– Значит, нам надо искать левшу. И удар ножом был немного наискось с двух на восемь часов условного циферблата, а так мог ударить только левша. Если это был тычковый нож, правой рукой никак не завернешь лезвие налево, а вот левой рукой – как раз. Всё, мы уже знаем точно – убийца левша.

– И где его сейчас искать? – непонимающе развела руками оперативница. – Ребята, как вы вообще раскрываете подобные «глухари»?

Последние ее слова вызвали смех у оперативников:

– Вот так и раскрываем! Это тебе не воришек хлопать по блатхатам!

Девушка озадаченно цокнула языком и задумалась. Драгин легонько хлопнул ее по плечу и успокоил:

– Не переживай, раскроем. И не такие дела раскрывали.

– Драга, а преступник-то серьезный, – высказал предпо-

ложение Корчагин. – Это, мне кажется, не рядовое убийство.

– И что он мог искать у этой женщины посреди ночи? – задался вопросом Хрипунов. – И как он попал в квартиру?

– Першин отправит замок криминалистам – будем ждать экспертизы, – ответил Драгин. – Результаты, я думаю, будут готовы в течение недели.

– Ждать неделю – это так долго, – с сожалением произнесла оперативница. – А меня отправили к вам только на неделю.

– Ждать не будем, а продолжим работать дальше, – с непоколебимой уверенностью изрек старший группы. – Суд да дело, мы пока вернемся к группировке «Казана» – там наклевывается интересный расклад относительно пропавшего Плохих, а ты, Лён, занимайся опросом граждан близлежащих домов, где жила Лемешева. Еще раз пройдись по подъездам ее дома, где мы не застали хозяев в нескольких квартирах – список тебе дадим. И вообще, Лён, запомни: когда случается серьезное убийство, надо постоянно возвращаться к месту совершения преступления, и тогда удача обязательно улыбнется тебе. И да, завтра обязательно посети похороны: послушай, о чем говорят люди, какие выдвигают версии, на кого думают. Вернись снова на базу, поговори с людьми, узнай, какая атмосфера царила там в последние дни. Короче, сделай то, что считаешь нужным – при раскрытии убийств больше надейся на везение и удачу, чем на руководящие указания сверху. Наметь план и сразу же начинай работать. По-

лучишь интересную информацию – мы все скопом набросимся и поможем тебе.

Оперативница растерянно обвела взглядом своих коллег и уныло проговорила:

– Ребята, вы оставляете меня один на один с этим убийцей-левшой? А вы уверены, что я смогу раскрыть дело? Как бы не испортить его на корню... Может быть, Марка дадите мне?

– У тебя всё получится, – приободрил ее Драгин. – Мы беремся за очень серьезную группировку, она нам уже угрожала расправой, так что ее ликвидация – дело чести. Не бойся, через неделю мы, как я рассчитываю, закончим с этой бандой, и тогда прикрепим к тебе Шипунова.

– Лёня, но я же говорю, что отправлена к вам временно. Через неделю мне надо вернуться обратно в свое отделение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.